

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 5 мѣсяцевъ 8 франк.
» 3 мѣсяца 5 »
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15ое НОЯБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Вольные люди Западнаго края и новый законъ о нихъ. П. С. — 2) Старозаимочныя земли въ Слободской Украинѣ. — 3) Ничего-не-дѣланіе, какъ высшій принципъ нашей государственной мудрости (письмо въ редакцію), Петербуржца. — 4) Къ исторіи о студенческихъ общежитіяхъ (письмо въ редакцію). — 5) Канцелярскія мытарства (письмо въ редакцію), Отставного Солдата. — 6) Изъ Бѣлорусіи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Толкъ о передѣлѣ земли въ Польшѣ. — 8) Попытка и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»). I. — 9) Письма изъ Галиціи, I. М.— она. 10) Первый международный антисемитическій конгрессъ. (Спеціальная корресп. «Вольнаго Слова»). V. (Окончаніе). — 11) Націонализація земли. (Продолженіе). — 12) Шестой національный конгрессъ рабочихъ во Франціи. — 13) Литературно-политическіе отрывки. «Le Révolté» объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ. М. Драгоманова.

Женева, 15 ноября 1882.

Любопытно въ качествѣ характеристики новѣйшаго русскаго законодательства недавно появившеся въ свѣтъ высочайшее повелѣніе о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей Западнаго края. По предварительно скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи этого класса людей. Чиншевое право, говоритъ авторъ прекрасной статьи «Наслѣдственные арендаторы въ Западномъ краѣ» (Порядокъ, 1882 г. № 279), развилось въ Западномъ краѣ во время польскаго владычества, на основаніи нѣмецкаго магдебургскаго права. Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, до конца XVIII в., никто, кромѣ шляхты, не имѣлъ права владѣть земельною собственностью. Вслѣдствіе этого польскіе короли, для усиленія производительности края, стали раздавать земли въ своихъ имѣніяхъ въ «вѣчное пользованіе» за «чиншъ» (Zins—оброкъ). Прямѣру ихъ, частью, съ той же цѣлью, частью, для увеличенія численности своей военной рати, послѣдовали магнаты, владѣльцы громаднхъ земельныхъ пространствъ. Въ отдѣлѣ обязанностей, налагаемыхъ на чиншевиковъ, всегда говорилось, что они должны отбывать повинность,

одинаковую съ другими поселенцами, затѣмъ перечислялись ихъ обязанности, кои въ общихъ чертахъ были слѣдующія: а) безпресловенное исполненіе требованій, приказаній и рѣшеній вотчинника и б) снаряженіе по первому востребованію владѣльца съ каждаго пяти влокъ по одному копному вонпу, хорошо вооруженному, въ нащурѣ и въ латахъ, со щитомъ и копьемъ, не только во время войны, но и для службы при замкахъ; невыполненіе сказанной услуги влекло за собою уничтоженіе привилегій. Если лица, получившія земли, не принадлежали къ дворянскому сословію, то на нихъ накладывались, кромѣ того, различныя данн съ меда, ржи, овса и т. д. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ отъ дворянъ, заселившихся на свободныхъ земляхъ, не требовалось никакой повинности, кромѣ военной службы. Въ городахъ и мѣстечкахъ, весьма обильно надѣленныхъ землями своими владѣльцами, королями и вельможами, давались пазцы, т. е. усадебныя угодья въ размѣрѣ приблизительно морга, т. е. $\frac{2}{3}$ десятъ, съ правомъ возводить постройки, пользоваться общимъ выгономъ, водоемомъ, лѣсомъ и т. д. Повинность за такія пазцы полагалась исключительно денежная. Когда западныя губерніи были «возвращены» Россіи, и магнаты потеряли право имѣть собственныя войска, вонпская повинность была замѣнена отчасти денежною, при чемъ, съ теченіемъ времени, размѣры чинша все увеличивались. Вслѣдствіе этого уже съ начала настоящаго столѣтія является цѣлый рядъ недоразумѣній и процессовъ между чиншевиками и владѣльцами имѣній. Со стороны владѣльцевъ стало даже замѣтно стремленіе выселять чиншевиковъ, а со стороны послѣднихъ — превратить безсрочное пользованіе въ полную собственность. Убѣдившись въ невозможности доказать права собственности на занимаемыя земли, чиншевики стали домогаться владѣть ею за первоначально наложенную на нихъ ничтожную денежную плату, отбросивъ вонпскую и всякія другія натуральныя повинности. Процессы

чиншевиковъ съ вотчинниками отлпчаются разнообразнымъ и произвольнымъ толкованіемъ правъ чиншевиковъ — лицами и учрежденіями, отъ коихъ рѣшенія ихъ дѣла зависѣли; по въ результатѣ чиншевики обыкновенно проигрываютъ свои искн, на основаніи той статьи свода законовъ (1692, X т. 1-ая часть), которая не дозволяетъ отдачу земель въ аренду, болѣе чѣмъ на 12 лѣтъ. Подобный исходъ, хотя и основанъ на законѣ, далеко несправедливъ. Привязанность къ тому, надѣ чѣмъ трудился, присуща всякому человѣку, и тѣмъ болѣе западно-русскому простолюдину, который ни за что не промѣняетъ песчаную батьковщину на самый лучшій черноземъ*). Лишая вѣчнаго пользованія своими участками чиншевиковъ судебныя мѣста породили цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, ибо, вотчинники, считая ихъ безпокойными людьми и пользуясь выпрышемъ дѣла, стараются выселить ихъ изъ имѣній. Для опредѣленія правъ и устройства быта чиншевиковъ самымъ правильнымъ пріемомъ было бы обратиться къ документамъ, опредѣляющимъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и примѣнить ихъ къ требованіямъ настоящаго времени. Изъ подлинныхъ документовъ видно, что во всѣхъ выданныхъ чиншевикамъ привилегіяхъ существуетъ одно неизмѣнное правило: земля отдавалась на вѣчныя времена за обычную повинность. Смыслъ этого условія очень ясенъ: земля отдавалась въ потомственное пользованіе; повинность же за нее должна была отбываться равная той, которую отбывали другіе. Цѣль такого договора очевидна: одна сторона пріобрѣтала на вѣчныя времена землю съ гарантіею, что не будетъ обременена непосильною повинностью, другая обеспечивала себѣ доходъ, равный отбываемому окружающимъ населеніемъ. Можно утвердительно

*) Слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ земли, обрабатываемыя вольными людьми и чиншевиками, особенно въ Литвѣ, Бѣлорусіи, на Волыни и въ Кіевскомъ Полѣсьи, оцплены отъ лѣсу и осушены ихъ предками. (Ред.)

сказать, что въ настоящее время объ стороны могли бы удовлетвориться тѣмъ, чтобы сплю закона были восстановлены прежнія отношенія между чиншевиками, только съ замѣною натуральныхъ повинностей денежными. Подобное рѣшеніе вопроса представляется вполне законнымъ, справедливымъ и удобнымъ въ экономическомъ отношеніи, какъ то явствуетъ изъ подлинныхъ актовъ, выражающихъ права и обязанности сторонъ. Относительно законности такой мѣры слѣдуетъ замѣтить, что хотя извѣстная статья X тома не дозволяетъ аренды срокомъ болѣе 12 лѣтъ, но за то въ цѣломъ рядѣ частныхъ постановленій, относящихся къ различнымъ классамъ чиншевиковъ Западнаго края, прямо высказывается право на безсрочное пользование землею за уплату чинша. Въ экономическомъ отношеніи такая мѣра была бы также вполне целесообразна, такъ какъ культура земли находится въ прямой зависимости отъ увѣренности земледѣльца въ долговременномъ обладаніи обрабатываемыми имъ угодіями.

Намъ пришлось бы уйти слишкомъ далеко, если бы мы попытались подтвердить въ подробностяхъ ту истину, что только что разсмотрѣнное учрежденіе наследственнаго пользования землею за уплату чинша было въ средніе вѣка распространено по всему пространству Западной Европы и, съ одной стороны, повело къ созданію права собственности на городскіе дома класса буржуазіи, а, съ другой, породило цѣлую систему правъ крестьянъ, основанныхъ на затраченныхъ ими въ землю вѣковыхъ улучшеніяхъ. Тотъ-же самый вопросъ дожидается въ настоящее время своего рѣшенія даже и въ Ирландіи, и принципъ безсрочнаго пользования землею со стороны исправнаго фермера не сегодня, такъ завтра можетъ получить силу закона. Иными словами, наследственное пользованіе домами и землею представляло извѣстную историческую ступень въ развитіи новѣйшихъ формъ права собственности, и во многихъ случаяхъ само превратилось въ самостоятельное право собственности, благодаря уничтоженію феодальныхъ правъ землевладѣльцевъ. Но если вопросъ о безсрочномъ владѣніи землею привелъ къ такимъ важнымъ результатамъ въ Западной Европѣ, то интересно узнать, какъ относится къ нему русское правительство въ своемъ законѣ о вольныхъ людяхъ Западнаго края? — Очень элементарно и просто: отрицая за ними всякую тѣнь несомнѣнно принадлежавшаго имъ права на безсрочное участіе въ собственности на землю, оно превращаетъ ихъ однимъ росчеркомъ пера въ пролетаріевъ-арендаторовъ, имѣющихъ право пользоваться арендою всего въ

теченіе 6 лѣтъ, или выкупить у землевладѣльца свой собственный вѣковой трудъ, затраченный въ землю! Какъ, спроситъ нашъ читатель, неужели возможно что либо подобное въ настоящее время, когда даже въ Ирландіи идетъ рѣчь о постоянной арендѣ и о правѣ фермера на собственные улучшения? Что это вполне возможно, доказываетъ текстъ закона о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей Западнаго края. Этими людьми, говорится въ повомъ законѣ, проживающимъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, представляется или купить занимаемые ими въ настоящее время участки по 12-ти лѣтнимъ контрактамъ, заключеннымъ по правиламъ 1864 года, или по замѣняющимъ оныя постановленіямъ мировыхъ посредниковъ, — или же взять тѣ же участки въ новую аренду на 6 лѣтъ. Если же въ продолженіе означеннаго времени вольный человекъ не согласится ни на покупку участка, ни на взятіе его въ новую аренду, то въ теченіе слѣдующаго года онъ обязанъ очистить участокъ, а въ случаѣ неисполненія этого, выселяется изъ участка полиціею, по первому требованію о томъ собственника участка. Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе цѣнности земли и высоты арендной платы, а также изложеніе условій выкупа, съ помощью правительства, земли, сходныхъ съ общими условіями выкупа земли бывшими крестьянами, съ тою только разницею, что правительство выдаетъ вольному человеку только 85% ссуды, а остальные 15% онъ обязанъ уплатить самъ. Начиная со срока разрѣшенія выкупной ссуды, все прежнія отношенія вольнаго человека къ помѣщику, въ томъ числѣ и право перваго на пользованіе въ угодьяхъ и на земляхъ послѣдняго, прекращаются. Но за лишеніе настояннаго на земляхъ и угодьяхъ помѣщика сервитута, предоставленнаго вольнымъ людямъ по обязательнымъ контрактамъ или замѣняющимъ оныя постановленіямъ мировыхъ посредниковъ, дѣлается съ продажной цѣны скидка, размѣръ которой опредѣляется по добровольному обѣихъ сторонъ соглашенію, а, за отсутствіемъ такового, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, совместно съ мировымъ посредникомъ, но не болѣе, какъ въ размѣрѣ 10% продажной цѣны. Протоколъ, составляемый о подобной сдѣлкѣ означенными лицами, по объявленіи сторонами, вносится на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Сюда же, въ теченіе мѣсячнаго срока со времени объявленія сторонами, протоколъ этотъ можетъ быть обжалованъ. Губернское присутствіе

сдѣлки о дальнѣйшей арендѣ утверждаетъ окончательно, а сдѣлки о покупкѣ земли съ содѣйствіемъ правительства вносятся въ главное выкупное учрежденіе. Затѣмъ идутъ, какъ и слѣдовало ожидать, статьи объ обеспеченіи исправной уплаты какъ выкупныхъ ссудъ въ казначейство, такъ и добавочныхъ суммъ землевладѣльцамъ. Если между вольнымъ человекомъ и землевладѣльцемъ заключается контрактъ о новой арендѣ не болѣе, какъ на 6 лѣтъ, то, по окончаніи этого срока каждый землевладѣлецъ имѣетъ право отказать съѣмщику въ дальнѣйшемъ содержаніи участка, если не состоится между ними добровольнаго соглашенія. Впрочемъ, подобный контрактъ не препятствуетъ арендатору приобрести этотъ участокъ въ собственность, на основаніи изложенныхъ выше правилъ, и тогда договоръ объ арендѣ прекращается. Далѣе слѣдуютъ мѣры о томъ, какъ поступить, когда участокъ, занимаемый нынѣ вольнымъ человекомъ, причиняетъ явный вредъ или стѣсненіе хозяйству землевладѣльца? На основаніи Положенія для крестьянъ Северо-западнаго края 13 Февраля 1861 года, въ случаѣ, вызывающемъ обязательное для крестьянъ разверстаніе угодій и перенесеніе усадьбы, владѣльцу предоставляется право замѣнить такой участокъ, въ полномъ его составѣ или въ черезполосной его части, другимъ, соотвѣтствующаго достоинства, участкомъ, съ переносомъ строенія на счетъ владѣльца и съ полнымъ вознагражденіемъ вольнаго человека за убытки, приходясь къ правиламъ того-же мѣстнаго положенія. Въ случаѣ соглашенія съ вольнымъ человекомъ, помѣщикъ можетъ ему приобрести соотвѣствующій участокъ изъ земли сосѣда, а если между ними не состоится объ этомъ соглашенія, то вопросъ рѣшается губернаторомъ, соблюдая, чтобы участокъ не былъ хуже достоинствомъ обмѣниваемого.

Итоги новаго закона о вольныхъ людяхъ Западнаго края исчерпываются слѣдующими чертами: 1) эти вольные люди, по неизвѣстной причинѣ, уравниваются въ правахъ съ прежними крѣпостными крестьянами, вытекавшихъ изъ упраздненія ихъ крѣпостнаго состоянія; 2) этимъ вольнымъ людямъ, здорово живешь и вопреки незаконнымъ обычаямъ, договорамъ и всякой справедливости, отказывается въ историческихъ правахъ на землю, которую они обрабатывали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; 3) все права на землю, въ качествѣ абсолютной собственности, которою она не была даже въ средніе вѣка, вручаются одному помѣщику точно также, какъ и весь законъ представляетъ явную тенденцію устроить благо-

получіе помѣщика и пустить по міру вольнаго человека. Изъ всего этого не трудно видѣть, что новое повелѣніе представляет собою ничто иное, какъ патріотически-реакціонную мѣру той же категоріи, къ какой принадлежатъ соглядатайскіе законы объ усиленныхъ охранахъ, военныхъ судахъ и другихъ недоброй памяти учрежденіяхъ послѣдняго двухлѣтія.

П. С.

СТАРОЗАЙМОЧНЫЯ ЗЕМЛИ ВЪ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНѢ.

На дняхъ мы прочли въ газетѣ «Заря» слѣдующую телеграмму изъ Харькова, отъ 14 октября: «Въ окружной судъ предъявлено 141 прошеніе о возвратѣ крестьянамъ старозаймочныхъ земель въ количествѣ 300 тысячъ десятинъ. Происходитъ оживленная спекуляція по продажѣ этихъ исконъ.» — Быть можетъ, не всѣ читатели наши знаютъ, что такое эти старозаймочныя земли, такъ какъ объ этихъ земляхъ почти ничего не извѣстно даже въ литературѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ XVII в., когда нынѣшняя Харьковская губернія съ прилегающими частями Курской и Воронежской населялась выходившими изъ тогдашнихъ польскихъ земель украинцами (черкасами), которые образовали тутъ слободско-украинское козачество, — московскіе цари, которымъ номинально принадлежали эти пустопорожни земли, давали слобожанамъ грамоты на заимку этихъ земель на вѣчныя времена, «по ихъ черкасскому обычаю». Когда Екатерина II въ 1765 г. уничтожила слободское козачество, то много бывшихъ козаковъ съ ихъ землями роздано было помѣщикамъ, а остальные вошли въ общенародскій классъ государственныхъ крестьянъ. Земли ихъ, — старозаймочныя, — стали смѣшиваться съ государственными, изъ которыхъ, по мѣрѣ прироста населенія, государственные крестьяне получали надѣлы. Когда при Александрѣ II государственные крестьяне стали получать надѣлы въ собственность за выкупъ, то бюрократія оказалась, конечно, несвѣдущей о самомъ существованіи старозаймочныхъ земель въ Слободской Украинѣ и посчитала въ числѣ выкупныхъ земель и эти земли.

Между тѣмъ у многихъ крестьянскихъ обществъ оказались даже письменные документы на эти земли. Нѣкоторые общества рѣшили начать съ казною судебные искъ, требуя себѣ безплатнаго возвращенія старозаймочныхъ земель, — и года три тому назадъ выиграли эти искъ. Это послужило примѣромъ и для другихъ обществъ, — и вотъ объясненіе телеграммы кievской газеты. По соображеніямъ, которыя были высказаны года три назадъ въ одной харьковской корреспонденціи въ «Новое Время», во всей Слободщинѣ пришлось бы возвратитъ крестьянамъ до 1.500.000 десятинъ (конечно, однимъ казеннымъ, — земли бывшихъ помѣщичьихъ лѣгально пропали) старозаймочныхъ земель. Цифра крупная, даже если бы и пришлось уменьшить ее наполовину. Вопросъ перестаетъ быть дѣломъ тѣхъ и другихъ отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ, а становится земскимъ дѣломъ цѣлой области. Почему же

онъ остается юридически частнымъ дѣломъ? Почему правительство, узнавъ теперь изъ судебныхъ — въ томъ числѣ сенатскихъ — рѣшеній, что оно, по невѣдѣнію условій областной жизни, пропустило въ законѣ объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ крупную особенность извѣстной области (какъ пропустило оно въ свое время вопросъ чиншевиковъ въ другихъ областяхъ), не издастъ извѣстнаго общаго положенія о способѣ отысканія старозаймочныхъ земель болѣе дешеваго, менѣе спорнаго и менѣе формальнаго, чѣмъ частные судебные искъ, — которые, при юридической темнотѣ крестьянъ, должны были стать предметомъ спекуляціи? Вѣдь надумалось же даже это правительство на передачу разсмотрѣнія чиншевскихъ дѣлъ изъ судебныхъ учрежденій въ мировыя по крестьянскимъ дѣламъ. Почему, наконецъ, мѣстные земства, особенно харьковскія, не обратятъ вниманія на вопросъ о старозаймочныхъ земляхъ и не ходатайствуютъ объ изданіи для нихъ общаго положенія съ вышеупомянутымъ характеромъ?

НИЧЕГО-НЕ-ДѢЛАНІЕ, КАКЪ ВЫСШІЙ ПРИНЦИПЪ НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУДРОСТИ.

(Письмо въ Редакцію).

По поводу упорно посящихся слуховъ о новой перетасовкѣ въ нашихъ правящихъ кругахъ, ихъ заграничный органъ, «Le Nord», печатаетъ слѣдующій communiqué: «Изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ и рѣчи ни о какой министерской перемѣнѣ, да впрочемъ и ни о какой перемѣнѣ въ чемъ бы то ни было». Заявленію этому приписываютъ у насъ совершенно официальный характеръ; говорятъ, оно было написано въ газету по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ. Значитъ, послѣ долгихъ исканій или, лучше сказать, метаній изъ стороны въ сторону, настоящее царствование наконецъ обрѣло человека, который способенъ руководить браздами правленія и назначеніемъ котораго завершаются всякія «перемѣны». Счастливая Россія, въ которой все такъ благополучно и благоустроено, что она ни въ какой «перемѣнѣ» — новое слово вмѣсто «реформы» — и не нуждается!

Впрочемъ, отсутствіе перемѣнъ не значитъ еще отсутствіе дѣятельности. Напротивъ, каждый день слышно въ обществѣ и читается въ газетахъ «объ обсужденіи проекта о...», «объ усиленной разработкѣ правилъ о...» и т. д. Всѣ эти канцелярскія заботы или забавы такъ и остаются въ канцеляріяхъ; онѣ, повидимому, не назначены быть проведенными въ жизнь, а служатъ отчасти для доставленія занятія разнымъ учрежденіямъ и коммисіямъ, главное же, — таково мнѣніе, слагающееся теперь въ публикѣ, — для отбитія у общества охоты ко всякимъ перемѣнамъ или реформамъ; когда общество, и особенно интеллигенція, увидитъ, что изъ толковъ о перемѣнахъ ничего не выходитъ, а что все остается по старому, то оно и успокоится, сдѣлается равнодушнымъ къ государственнымъ дѣламъ, и каждый станетъ заниматься своими собственными.

На сколько этотъ способъ разсужденія можетъ быть подтвержденъ обстоятельствами,

сказать трудно, но что онъ теперь въ ходу въ нашихъ правящихъ кругахъ, это несомнѣнно. Въ одномъ отношеніи онъ имѣетъ даже свою выгоду: кто же теперь станетъ надеяться еще на правительство и на его инициативу?

Желательно было бы, только чтобы принципъ ничего-не-дѣланія былъ выставленъ прямо и открыто и чтобы такъ характеристично вамъ названные «министерскіе обходные марши» совершенно прекратились. За недавно имѣвшимъ мѣсто таковымъ маршемъ министра финансовъ, послѣдовалъ новый маршъ министра юстиціи, который, по случаю образованія «редакціонной коммисіи для составленія проекта гражданскаго уложенія», воззвалъ, хотя, впрочемъ, въ полголоса, «ко всѣмъ юридическимъ силамъ страны». Г. Набоковъ, въ 1880 — 81 г. считавшійся самымъ консервативнымъ изъ министровъ, нынѣ самый либеральный! Неужели оттого, что онъ увѣренъ, что изъ этого запрыгиванія съ «силами страны» ничего не выйдетъ?

Но если эра либеральнаго ничего-не-дѣланія гр. Лорисъ-Меликова привела къ событію 1 марта, то къ чему, спрашивается, можетъ привести эра консервативнаго ничего-не-дѣланія гр. Толстого? На этотъ вопросъ, который теперь задаютъ себѣ многие и многіе, нѣкоторые отвѣчаютъ: къ катастрофѣ и з в н ѣ.

Петербургецъ.

Р. С. отъ редакціи. Было бы вдвойнѣ грустно, еслибы эра ничего-не-дѣланія кончилась такъ, какъ предполагаетъ почтенный корреспондентъ. Она должна кончиться дружнымъ требованіемъ всего мыслящаго общества — предоставить просторъ дѣятельности ему самому.

КЪ ИСТОРИИ О СТУДЕНЧЕСКИХЪ ОБЩЕЖИТІЯХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Въ послѣднемъ № «Вольнаго Слова» напечатана корреспонденція изъ Петербурга о происходившихъ въ тамошнемъ университетѣ студенческихъ беспорядкахъ по случаю открытія Поляковской коллегіи студенческихъ общежитій. Къ счастью, беспорядки не привели къ серьезнымъ послѣдствіямъ, хотя никто не можетъ утвердительно сказать, что они не могутъ впослѣдствіи еще въ большихъ размѣрахъ и съ болѣе горячей страстностью при предстоящемъ «водвореніи» студентовъ въ коллегію. Въ виду того, что петербургская исторія несомнѣнно повторится и въ Харьковскомъ университетѣ при открытіи въ недалекомъ будущемъ студенческихъ общежитій, выстроенныхъ на суммы, пожертвованныя сумскимъ купцомъ Харитоненко, я считаю необходимымъ познакомить общество съ господствующими студенческими воззрѣніями относительно учрежденій общежитій и съ той формой, въ которой студенты желали бы осуществленія общежитія. Быть можетъ, общество, профессора проникнутся убѣжденіемъ въ резонности стремленій и желаній студентовъ и позаботятся, на сколько возможно, устранить новый студенческій «погромъ».

Еще въ бытность мою въ Харьковскомъ университетѣ въ началѣ 1880—81 академическаго года зданіе общежитія Харитоненка представляло уже весьма удобное и прекрасное помѣщеніе для студентовъ. Оставалось только придумать, какимъ способомъ успѣшнѣе совершится «водвореніе» студентовъ. Съ цѣлью узнать настроеніе и отношеніе студентовъ къ общежитіямъ, университетское начальство, въ лицѣ инспектора, устроило

незначительную реконструкцию, которая однако принесла ему далеко не утешительные результаты. Бывший инспектор Харьковского университета, шкто Шулгинъ, — навязанный университету еще Толстымъ (изъ прошедшей жизни этого достопримечательнаго университета администратора известно только, что онъ былъ подчиненный Тренова) — приватнымъ образомъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько студентовъ, вкратцѣ ознакомилъ ихъ съ главными основами и дисциплинарными правилами проектирующагося общежитія, причемъ, очевидно въ пасмынку, увѣрялъ ихъ, что правила эти встрѣчены министерствомъ благосклонно.

Вѣсть о благотворительной операціи, которую намѣреваются совершить надъ студенчествомъ, съ быстротою молніи облетѣла все углки университета; заволновались все аудиторіи, и въ тотъ же день въ стѣнахъ университета появилась прокламація, гдѣ студенты призывались немедленно на сходку, чтобы обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять противъ угрожающей опасности отъ «неслыханнаго вымысла опутать студентовъ жандармско-шпюнкскими стѣнами инспекціи».

Ужъ таковы удыя нашего студенчества: всякое намѣреніе общества или отдѣльнаго лица, по существу своему вполне полезное, въ глазахъ студентовъ, вслѣдствіе существующаго университетскаго режима, является страннымъ призракомъ. И студенты, конечно, не заблуждаются. Мы видѣли, что такая невинная затѣя, какъ танцевальный вечеръ въ пользу студентовъ, кончилась исключеніемъ 52 человекъ изъ университета, какъ это было въ Харьковѣ въ прошломъ году; мы видимъ, какимъ духомъ пронитана Полковская коллегія. Но возвратимся къ разсказу о харьковской исторіи.

На другой день появления прокламаціи состоялась многочисленная студенческая сходка, и, когда были прочтены «инспекторскія» правила, которыя, какъ теперь оказывается, были прототипомъ петербургскихъ, студенты громаднымъ большинствомъ голосовъ рѣшили безусловно отвергнуть правила, которыя предлагаются инспекторомъ, и взяли ихъ выработать новыя, имѣющія въ своемъ основаніи принципъ самоуправления. Я хорошо помню, какъ тутъ же, на сходкѣ большинство хлопилось въ пользу того мнѣнія, что «общежитіи» лучше всего превратить въ «студенческія дешевыя квартиры», но такъ какъ этого не удалось достигнуть, то на общежитія тогда только согласились, когда при ихъ устройствѣ будутъ приняты въ руководствѣ слѣдующія положенія, формулированныя приблизительно такъ:

Студенты желаютъ, чтобы общежитія предназначались исключительно для бѣдныхъ, а не для стипендіатовъ, такъ какъ между стипендіей, благодаря лишь протекціи или покровительству лицъ, не причастныхъ университету, между тѣмъ какъ большинство нуждающихся не получаетъ никакихъ университетскихъ пособій вслѣдствіе стѣснительныхъ мѣръ, какъ полицейскій надзоръ, подѣ, который при существующемъ административномъ и политическомъ произволѣ, легко подпадетъ даже самый благонамѣренный и политически-благонадежный студентъ;

Чтобы тамъ поселены были только тѣ изъ студентовъ, которые большинствомъ голосовъ будутъ признаны нуждающимися, и чтобы въ комнатахъ, предназначенныхъ для двухъ или болѣе лицъ, селились только по личному выбору и согласію, а не по назначенію.

Принимая во вниманіе, что инспекторъ и его помощники лица, не избранныя университетомъ, а назначенныя министромъ или поначителемъ, а потому ихъ умственное и нравственное развитіе мало известно профессорской коллегіи, студенты требуютъ, чтобы хозяйственною частью, которая можетъ стать въ рукахъ лицъ мало развитыхъ предметомъ эксплуатациіи, заведовала студенческая выборная коммиссія подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора, выбраннаго самими же студентами.

Во избѣжаніе недоразумѣній между властями и студентами въ административнѣ не должны

быть отведены особыя квартиры для инспектора или какаго либо суб-инспектора и вообще для постороннихъ лицъ, исключая нужной прислуги. Дисциплинарныя правила предоставлять выработать самимъ же студентамъ; а въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ кѣмъ либо изъ студентовъ, виновный подвергается суду, только не административно-политическому, а исключительно нравственному суду студентовъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ профессорскому.

Таковы приблизительно основанія, которыми по мнѣнію харьковскихъ студентовъ слѣдовало бы руководствоваться при учрежденіи студенческихъ общежитій. Очевидно, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго и опаснаго для государства и меньше всего для общества, между тѣмъ какъ правила Полковской коллегіи совершенно противны духу студенчества и могутъ поэтому служить причиной частыхъ студенческихъ волненій, въ особенности при отсутствіи свободы печати, когда студентамъ невозможно будетъ разоблачать злоупотребленія власти имущихъ. Надо только удивляться тому, что петербургскіе студенты не догадались какимъ нибудь способомъ заранѣе предъявить свои требованія; быть можетъ, имъ удалось бы устранить такой возмутительный скандалъ, какъ адресъ Полкову, опозорившій все русское честное студенчество. Не трудно понять, что едва ли кто либо изъ студентовъ, исключая, разумеется, подавляющаго адрестъ, добровольно переселится въ Полковскую коллегію. Это ужъ больше не секретъ, что всевозможные экономы, надзиратели и инвентары въ то же время различныхъ знаній репортеры Судейкина. И при вновь издаваемыхъ университетскихъ правилахъ Полковская коллегія станетъ по истинѣ великимъ зломъ для студентовъ и не мало жертвъ вырветъ изъ ихъ среды.

КАНЦЕЛЯРСКІЯ МЫТАРСТВА.

(Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»)

Считая полезнымъ тщательно и вполне рельефно освѣтить въ общественномъ сознаніи отношеніе російскаго императорскаго правительсва къ интересамъ своихъ подданныхъ, нахожу нелишнимъ сообщить вамъ самый свѣжій фактъ, случившійся со мною лично не далѣе, какъ на этихъ дняхъ. Для болѣе ясной разсказу всю исторію по порядку. Я, видите ли, отставной солдатъ, уволенный отъ службы по неизлечимой болѣзни съ изъавленіемъ, какъ сказано въ указѣ объ отставкѣ, отъ всѣхъ государственныхъ, общественныхъ, подумныхъ и натуральныхъ повинностей. Указъ этотъ мнѣ выданъ въ іюлѣ 1877 г., и я жилъ по нему въ Петербургѣ безпрерывно до октября 1879 г., причемъ онъ проносился въ полиціи аккуратно черезъ 4 мѣсяца, съ каждою перемѣною квартиры. Въ послѣдній же разъ полиція сдѣлала на немъ надписи, что «на основаніи циркуляра Министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 14 января 1879 года за № 1, объявленнаго въ приказѣ по полиціи 20 того-же января за № 20», я обязанъ неходатайствовать «надлежащій» видъ, но сему же свидѣтельству проживать не дозволяется. На мои разспросы, какой «надлежащій видъ» долженъ я имѣть, мнѣ отвѣчали буквально: «а чортъ его знаетъ! хлопочите»... Дѣлать нечего, обратился я въ волостное правленіе того общества, къ которому принадлежалъ до поступленія въ военную службу. Мнѣ прислали на бланкѣ «для мѣнянъ и крестьянъ», въ которомъ значилось, что онъ выданъ ридному... Иное дѣло, получилась чепуха, о чемъ тѣ же гг. полицейскіе мнѣ и замѣтили и посоветовали жить съ указомъ объ отставкѣ. Такъ дѣло тянулось до апрѣля мѣсяца 1882 года, когда на указѣ снова надписали о циркулярѣ министра и невозможности жить по сему документу. И снова отвѣтъ, что сами не знаютъ, чего отъ меня требуютъ. Совершенно частные люди научили меня обратиться съ прошеніемъ въ казенную палату о принискѣ къ какому нибудь обществу. Я такъ и сдѣлалъ. 11 авгу-

ста подавъ прошеніе, — вслѣдствіе приходилъ черезъ двѣ недѣли; прихожу, говорить: не готово, пожалуйста снова черезъ двѣ недѣли. Новое прошеніе такъ же удачно, какъ и первое, по тутъ уже я заявилъ, что кончается срокъ отсрочки, и я возлагаю на нихъ отвѣтственность за послѣдующее. Въмѣсто двухъ недѣль, мнѣ четыре раза назначали придти черезъ три дни и наконецъ потребовалось формально выругаться, чтобы объявили объ окончаніи дѣла, т. е., что четыре отношенія, по полстраницѣ каждое, написаны и посланы! Это въ шесть недѣль-то съ многократными понужденіями. Но здѣсь еще не конецъ. Указа объ отставкѣ лично мнѣ не возвратили, а послали черезъ полицію (это короче!), и я не могъ получить его ранѣе недѣли (разстояніе отъ Кукушкина моста до Технологическаго Института!!!). Болѣе пропустить срокъ, я побѣхалъ за паспортомъ, и представьте неожиданность — съ меня спросили подати да еще какую то недоимку съ 1879 по 1882 г. По полученіи Указа объ отставкѣ, я узнѣлъ на немъ надписи, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ значилось, что я, по высочайшему повелѣнію, освобождаюсь отъ всѣхъ новыхъ повинностей, надписи, что казенная палата предписываетъ считать меня въ окладѣ съ 1879 года. Скажите, что это: непроходимая-ли тупость чиновничества, желаніе нагадить человѣку за то, что, какъ ни показывали ему медленностью процесса о необходимости смазки, онъ не считъ нужнымъ сдѣлать таковую, или просто совное неряшливо? Ошибиться очень трудно, такъ какъ такихъ указовъ черезъ ихъ руки проходитъ тысячи, надписи подписана начальникомъ отдѣленія и столоначальникомъ; вѣдь, вѣроятно, смотрѣли же что изволили подмахнуть!!!

О, святая Русь! Сколько освобожденныхъ солдатиковъ твоимъ мудрымъ мужрецамъ обратили въ податное состояніе и гдѣ найдутъ они себѣ защиту? Если, по громогласному заявленію одной женщины, въ той же палатѣ, съ нею за одно написаніе прошенія требовали два рубля, то по что обойдется возобновленіе права быть свободнымъ отъ конбечныхъ мѣщанскихъ податей!...

Можетъ быть, впрочемъ, что для уплаты 100000 горностаевыхъ шкуротъ для царской мантіи не хватаетъ средствъ въ государственномъ казначействѣ, такъ усердные слуги изобрѣтають новыя источники обложенія...

25 Сентября.

Отставной Солдатъ.

ИЗЪ БѢЛОРУССІИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Думаю, что Вамъ небезынтересно знать о томъ оппозиціонномъ движеніи, которое происходитъ у насъ въ БѢЛОРУССІИ. Я говорю — небезынтересно, потому что, судя по направленію Вашего органа, не падѣю встрѣтить того игнорированія интересовъ и даже самаго существованія не только БѢЛОРУССІИ, но и остальныхъ областей русской имперіи, которое можно встрѣтить въ органахъ русской печати какъ легальныхъ, такъ и нелегальныхъ — все равно. А между тѣмъ безобразія при пастоящемъ порядкѣ даютъ себя чувствовать здѣсь всевозможными стѣсненіями не только крестьянъ, но и другихъ сословій; все недовольны, все жалуются, и помѣщики, и чиновники, и даже евреи.

На этотъ разъ я постараюсь, хотя отчасти, охарактеризовать въ общихъ чертахъ настроеніе крестьянъ, на сколько позволяютъ мнѣ мои наблюденія въ мое короткое пребываніе въ БѢЛОРУССІИ. Надоно замѣтить, что у насъ очень много помѣщиковъ разной величины: и средней, и малой руки. Отсюда, что всего болѣе поражаетъ наблюдателя въ БѢЛОРУССІИ — это многочисленность поземельныхъ споровъ крестьянъ съ помѣщиками. Нѣтъ того узда, въ которомъ бы не проходило какое нибудь недоразумѣніе крестьянъ съ помѣщиками изъ за земли. Пропеодитъ дѣло обыкновенно такъ. Помѣщикъ, напримѣръ, заявляетъ претензію на извѣстную часть земли, которою до того

пользовались крестьяне; последние протестуют; возникает дѣло, которое ведется сначала чисто канцелярскимъ путемъ, въ присутственных мѣстахъ. Если рѣшеніе состоится въ пользу крестьянъ, то все оканчивается мирнымъ образомъ, если же нѣтъ, то крестьяне прогоняютъ съ спорной земли и землемѣровъ, и полицію, и помѣщика съ слугами. Тогда дѣло опять возвращается въ канцелярію, но только подальше, въ высшія инстанціи, и затягивается на долгое время; въ этомъ случаѣ рѣшеніе зависить отъ многихъ условій, крестьяне же не жалуютъ средствъ, чтобы выиграть: нанимаютъ адвокатовъ, посылаютъ отъ себя свѣдущихъ людей и т. д.; случается, что недоразумѣній рѣшаются въ ихъ пользу. Бываетъ и такъ, что помѣщикъ, подумавшись, что часть земли принадлежит ему, а не крестьянамъ, безъ всякихъ объясненій посылаетъ своихъ, чтобы скосить тамъ траву или сжечь какие либо посѣвы. Крестьяне прогоняютъ помѣщичьихъ слугъ; возникает дѣло, помѣщикъ призываетъ землемѣра, но и его прогоняютъ. Тогда помѣщикъ сочиняетъ бунтъ, являются жандармы, урядники и прочая пухающая команда; зѣвѣтъ наѣзжаетъ исправникъ, котораго принимаютъ болѣе или менѣе деликатно, по которому, «возмнивши» о себѣ, поднимаютъ руготню, начинаютъ драться. Тогда обыкновенно бываетъ, что исправника отколотятъ и онъ опасается бѣгствомъ. Дѣло иногда этимъ и оканчивается; иногда же присылаютъ солдатъ, которыхъ мужики встрѣчаютъ съ распростертыми руками, какъ будто ничего и не бывало, а на всякіе вопросы отвѣчаютъ, что «ничего мы знаемъ, никакого разбоя нѣ было!»

Вообще споры съ помѣщиками принимаютъ самыя разнообразныя формы и на ихъ счетъ между крестьянами ходятъ самыя невыгодныя толки; спрашиваютъ, напримеръ: «ці скоро закусимъ?» — «Какъ же вы будзесье жинць безъ намьенкивав?» спросилъ я однажды у мужика. — «Памьенчикі якъ съебсе хочущъ, аби намъ било добре!» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ждутъ увеличенія земельного наѣла («дзесь-сянцинамі будучъ надзельца»), уничтожаютъ землемѣрскіе знаки и т. д.

Другой фактъ, порождающій неудовольствіе крестьянъ, — это бремя податей, которое сильно обдѣляетъ и заставляетъ ихъ идти «на заработки» къ помѣщику или на желѣзную дорогу и даже въ другія губерніи; ищутъ работы на барькахъ, въ славѣ лѣса, который отравляютъ въ Пруссію. Сборъ податей (весною и осенью) обыкновенно подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, что крестьяне тяготеютъ чрезмѣрными поборами и очень ясно представляютъ себѣ это бремя: «здаецца, такъ много плацімъ, такъ много того начальства, а жинць трудно: крај зацісьонъ, абгольон»...

Б.

ТОЛКИ О ПЕРЕДѢЛѢ ЗЕМЛИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Къ выше приведенной корреспонденціи, а также къ вѣстямъ изъ Галиціи въ прошломъ №-рѣ и къ письмамъ изъ Украины, напечатаннымъ въ 47 №-рѣ, интересно будетъ прибавить свѣдѣнія о крестьянскихъ мечтаніяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Мы находимъ ихъ въ газетѣ «Nowiny» (№ 304) въ отчетѣ объ одномъ процессѣ, недавно разбиравшемся въ Влодавѣ. Дѣло шло о сопротивленіи, оказанномъ крестьянами села Семенитъ (въ Кушовскомъ уѣздѣ) размежеванію помѣщичьей земли отъ крестьянской. На судѣ мѣстный комиссаръ (посредникъ) далъ между прочимъ показаніе, что «главная причина подобнаго буйства крестьянъ, въ послѣднее время часто проявляющагося, заключается въ широкомъ распространѣніи между селянами слуха о должепствующемъ наступити скоро новомъ раздѣлѣ помѣщичьихъ земель между крестьянами. При этомъ ходятъ слухи, что, при новомъ раздѣлѣ, будутъ обойдены тѣ крестьяне, ко-

торые до того времени добровольно отдѣляли и размежуютъ свои земли. Напротивъ того, тѣ, которыхъ земли будутъ отмежеваны только силой, при помощи войска, будутъ вознаграждены, какъ потерпѣвшіе».

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМІЯ ВЪ УѢЗДѢ ЮГОЗАПАДНАГО КРАЯ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

I.

Въ одной изъ статей «Вольнаго Слова» авторъ, а, можетъ, и редакция отъ себя — (хорошо не помню; вѣдь нашему брату, русскому гражданину приходится читать «запрещенныя» вещи на бѣгу), дѣлаетъ замѣчаніе, что не худо было бы выяснитъ роль правительства въ причинахъ еврейскихъ погромовъ. Желаніе понятное, такъ какъ наше правительство, какъ и всѣ другія, ни мало не устранилось отъ роли устроителя всѣхъ сторонъ общественной жизни, потому несомнѣнно оказало вліяніе на сложение такъ называемаго еврейскаго вопроса. Но для отвѣта на заданный выше вопросъ потребовалось бы обзорѣніе цѣлой исторіи уѣздной жизни въ югозападной части Россіи, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, а эта жизнь въ значительной мѣрѣ определялась совершившимися реформами и измѣненіями высшей государственной политики. Для такой исторіи — необходимо большаго объема, — требуются и матеріалы, имѣющіеся только въ распоряженіи самого правительства или, по крайней мѣрѣ, губернской власти, пользоваться которыми мы не можемъ. Исторію уѣздной жизни, какъ и исторію жизни государственной, должна занять въ крупной мѣрѣ разборъ внутренняго управленія и вліянія его на экономическія и другія отношенія. Писать обстоятельно исторію даже уѣздной жизни нашего края, превышающую наши силы, а потому мы ограничимся только бѣглымъ описаніемъ нашего уѣзднаго управленія, а также и переходовъ, которые оно испытывало по случаю измѣненій правительственной политики и реформъ, земельной и судебной; все это вмѣстѣ и создало тѣ отношенія, которыя явились причиною сначала непріязни между евреями и крестьянами, а затѣмъ и совершившихся погромовъ. Однако изложеніе и въ такомъ объемѣ потребуемъ многихъ статей. Мы и начнемъ первую статью, при чемъ для освѣщенія положенія не отказываемся отступать изъ рамокъ прямой задачи, т. е. будемъ дѣлать экскурсіи въ область общегосударственнаго управленія.

Качество управленія вообще, какъ извѣстно, определяется качествомъ личнаго состава, хорошею или дурною организаціею управленія, соответствующими или нѣтъ нуждамъ населенія законами, также матеріальнымъ положеніемъ личнаго состава администраціи и многими другими условіями. Что касается личнаго состава, то въ юго-западномъ краѣ онъ состоялъ изъ чиновъ полиціи, организованной повсюду въ Россіи одинаково, изъ администраціи, составленной изъ появившихся съ 1863 г. изъ внутреннихъ губерній новыхъ дѣятелей и замѣнявшихъ польскій личный составъ мировыхъ учреждений. Это были, за незначительными исключеніями, люди различ-

ныхъ, болѣе или менѣе либеральныхъ направленій, настроенные въ патріотически-обрусительномъ духѣ; либерализмъ ихъ имѣлъ различныя отбѣнки, крайними цвѣтами которыхъ были, съ одной стороны, политическое народничество (русскій націонализмъ), а съ другой — народничество экономическое или социализмъ характера, соответствующаго началу 60-хъ годовъ. Въ рукахъ администраціи, со введеніемъ судебныхъ уставовъ, былъ и судъ по маловажнымъ дѣламъ, какъ это определялось положеніемъ 19 февраля. Когда все вниманіе было обращено на поземельное дѣло, имѣвшее первостепенное значеніе для будущихъ судебъ западнаго края, роль полиціи умалилась и полиція фактически явилась подчиненной административнымъ учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Генералъ-губернаторъ и губернаторы освѣдомлялись о дѣйствіяхъ полиціи у мировыхъ посредниковъ и предсѣдателей сѣздовъ. Этого и достаточно было, чтобы поставить полицію въ подчиненное администраціи положеніе, что держало ее любостыжательными понозженіями въ предѣлахъ умѣренности, и въ то же время определяло сдержанность и свѣрость въ наступленіи на крестьянъ. Такія отношенія продолжались, постепенно измѣняясь къ худшему, до русско-турецкой войны, когда внезапно былъ совершенъ уже крутой поворотъ, т. е. администрація по крестьянскимъ дѣламъ беззастѣнчиво была очищена и подчинена полиціи тѣмъ же самымъ пріемомъ губернаторской политики, какимъ прежде полиція была подчинена названной администраціи. Этими словами мы и ограничимъ относительно личнаго состава. Организационныя управленія составляютъ обширный вопросъ, разсмотрѣніе котораго будетъ предметомъ, быть можетъ, слѣдующей статьи, а за обсужденіе соответствія законовъ нуждамъ населенія мы и не беремся вслѣдствіе трудности и специальности дѣла. Можно сказать только одно, что есть цѣлыя отдѣлы законовъ, какъ бы заброшенныхъ, напр., сельскій строительный уставъ, по правиламъ котораго, между прочимъ, нельзя строить отапливаемыхъ строеній ближе 6-ти сажень одно отъ другаго, а холодныхъ ближе 4-хъ, и многія другія узаконенія; если бы исполнить только что приведенный законъ, то добрую половину строеній пришлось бы снести. Есть много и отдѣльных постановленій и узаконеній, остающихся, по ненужности или по несообразности съ нуждами населенія, безъ всякаго приложенія; ихъ вытаскиваютъ изъ архива лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, изъ видовъ лихонимства, желаютъ притѣснить кого либо, или оправдать свои дѣйствія передъ высшей администраціей по жалобамъ на притѣсненія или тоже лихонимство. Высшая власть всегда удовлетворяется объясненіемъ низшихъ чиновниковъ, ибо для нея невозможна фактическая повѣрка, а качество законовъ, т. е. приложимость или неприложимость ихъ, ей даже и неизвѣстны.

Перейду теперь къ матеріальному положенію личнаго состава, какъ къ одному изъ важныхъ условій качества всякаго управленія, а въ особенности такого, которое страдаетъ дурной организаціей и плохими законами, гдѣ, слѣдовательно, личность агента управленія и матеріальное его положеніе можетъ

сглаживать или же усиливать сказанные недостатки. Отношение правительственных

агентов, т. е. полиции, администраций и суда, къ населенію значительно опредѣляется

нижеприведенной таблицей получаемого или отъ правительства содержанія:

Обязательные по службѣ расходы.

	Жалованье.	Кварт. и канцел.	Отопленіе.	Писарь.	Канцел.	Прогонь.	Всего расходовъ.	Остается для личн. пущд.
Становой приставъ.	1000 р.	300 р.	100	540 р. (3 писаря)	100 р.	—	1040 р.	— 40 р.
Исправникъ	1500 »	400 »	150	540 » (—)	100 »	—	1190 »	+ 310 »
Мировой посредникъ	2000 »	300 »	150	200 » (1 писарь)	60 »	200 р.	910 »	+ 1090 »
Судебный слѣдователь.	1000 »	200 »	100	300 » (—)	100 »	—	700 »	+ 300 »
Мировой судья	2700 »	350 »	150	420 » (писмов. и пис.)	150 »	100 » *)	1170 »	+ 1530 »

Квартиру и отопленіе мы считаемъ обязательными по службѣ расходами, ибо на улицѣ или имѣя пристанище въ полѣ—службы исполнять невозможно; цѣны, а равно число писарей и ихъ жалованье, взяты нами изъ дѣйствительной жизни; разница въ жалованьи писарей зависитъ отъ степени требующихся отъ нихъ знаній по свойствамъ занятій.

Изъ этой таблицы видно, что полиція можетъ жить, да и дѣйствительно живетъ, на счетъ нарушенія закона или исполненія его для тѣхъ только лицъ, которыя оплачиваютъ это исполненіе. Мировые посредники находятся въ необходимости или дѣлать долги, т. е. ставить себя въ зависимость отъ систематическихъ, напр., дѣйствій состоятельной части еврейства, направленныхъ къ жизни безъ труда, на счетъ населенія, или же прямо жить на счетъ нарушенія закона, какъ и полиція, ибо на остальную сумму 1090 руб. невозможно прожить и воспитывать дѣтей людямъ, болѣею частью пожилымъ и семейнымъ, какіе обыкновенно занимаютъ эти должности; къ тому же имъ никогда не даютъ никакихъ денежныхъ наградъ; рѣдкому изъ нихъ удается выхлопотать даже пріемъ дѣтей на казенный счетъ; пенсія по службѣ имъ никакой не выдается, а тѣ несчастные 200 или 300 рублей, какіе полагаются въ 3 года разъ за отказъ отъ чина, немногимъ удается получить съ большими хлопотами. Эти деньги министерство или другое учрежденіе, должно быть, крадетъ; щедрость правительства въ этомъ отношеніи, какъ всѣмъ извѣстно, обыкновенно пропорціональна величинѣ окладовъ и близости къ правительственному центру, къ тому же облегчающей и всѣ хлопоты. Нужно замѣтить, что изъ остающихся суммъ по содержанію приходится дѣлать расходы по службѣ, напр., на поѣздки въ случаѣ вызова въ губернской городъ, на обмандировку, такъ какъ по начальству всегда нужно представиться во фракѣ или какой либо форменной одеждѣ, совершенно ненужной для обыкновеннаго употребленія; затѣмъ приходится оплачивать налоги въ 9 руб. за «Сенатскія Вѣдомости», 12 руб., кажется, за «Правительственный Вѣстникъ», да дѣлать экстраординарные расходы въ случаѣ переводовъ въ другіе уѣзды, которые въ послѣднее время особенно часто практикуются; присылаютъ иногда и эстафеты на счетъ вѣстовыхъ, если какая нибудь вѣдомость, представляющая собою ничто иное, какъ продуктъ фантазіи, не отправлена во время по назначенію. Эти особенные расходы приходится дѣлать всѣмъ чиновникамъ. Такъ, напр., ген. губ. Чертковъ во время объѣздовъ края дѣлалъ выговоры, когда ему представлялись во фракахъ, а не въ форменной одеждѣ. Отступленіе отъ установленной формы въ его

мнѣніи, кажется, служило признакомъ либерализма чиновника, тогда какъ всего прямѣе объяснить его отсутствіемъ денегъ. И однако такія бессмысленныя вещи занимаютъ нашихъ правительственныхъ людей и, надо сказать, гораздо болѣе, нежели настоящее дѣло, о которомъ они понятія не имѣютъ и обыкновенно ни у кого и ничего о немъ не спрашиваютъ.

Вотъ вамъ примѣръ дѣловитости нашихъ высшихъ администраторовъ въ вопросахъ серьезныхъ, а не въ мундирныхъ пустякахъ. Во время войны министръ внутреннихъ дѣлъ, Маковъ, издалъ высочайше одобренный циркуляръ объ оказаніи помощи семействамъ солдатъ, находящихся на войнѣ, гдѣ подробно были перечислены разныя категоріи лицъ, имѣющихъ право на пособіе, а равно и указано, откуда эта помощь должна пдти, причемъ требовался строжайшій ежемѣсячный отчетъ по формѣ, сочиненной—уже не знаю, гдѣ и кѣмъ; вѣрно, самъ Маковъ сочинялъ форму. Когда всемплошнѣйшее повелѣніе было объявлено и потребовалось приводить циркуляръ въ исполненіе, то во всей Малороссіи всѣхъ численныхъ въ циркулярѣ категорій, яко бѣдствующихъ по случаю ухода солдатъ на войну, не оказалось. Указанныя въ циркулярѣ категоріи, а именно бабки, дѣды, матери, сестры и др., оказались сравнительно благоденствующими, такъ что имъ совѣстно было даже обращаться за пособіями; дѣйствительно же нуждающихся, женъ солдатъ съ ихъ дѣтьми, не оказалось въ циркулярѣ, потому что находившіеся на службѣ солдаты предполагались по воинскому уставу неженатыми, а чины запаса съ ихъ женами и дѣтьми предполагались живущими въ большой семьѣ, съ родителями, дѣдами и бабками и пр. Министерство оказалось незнакомымъ съ малороссійской семьей, дробившейся при заключеніи брака подроставшихъ дѣтей, а администрація ничего, кромѣ устава, не вѣдала! Съ этою помощью разыгралась цѣлая комедія: губернаторы настаивали на томъ, чтобы отыскать нуждающихся, именно лицъ, указанныхъ въ циркулярѣ категорій; уѣздная администрація отвѣчала только, что такихъ нѣтъ, а правды сказать не смѣла. Когда же губернаторы со стороны, а не отъ своихъ подчиненныхъ, узнали въ чемъ дѣло, то въ свою очередь не смѣли заявить министру, что они написали глупость и сунули ее въ свое дѣло да еще и представили эту глупость на высочайшее одобреніе. Дѣйствительно нуждающиеся, такимъ образомъ, получили помощь только тамъ, гдѣ посредники не послушались ни министра, ни губернатора, а поступили по своему усмотрѣнію. Это, конечно, только одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Въ меньшей мѣрѣ примѣромъ непониманія дѣла можетъ служить, пожалуй, хоть бы и

извѣстный циркуляръ Чертова къ мировымъ учрежденіямъ въ 1880 году, о которомъ можно бы сказать не мало, если бы стоило говорить, ибо все это слишкомъ мелко въ сравненіи съ тѣмъ, что читатель можетъ заключить изъ нашей повѣсти. Возвращаясь къ прерванному разсказу о матеріальныхъ положеніи чиновниковъ. Судебные слѣдователи находятся въ томъ же положеніи, какъ и посредники. Нѣсколько въ лучшемъ находились мировые судьи. Писаря на 15 р. въ мѣсяцъ также жить не могутъ, ибо одинъ стоить имъ, при изнѣженной дороговизнѣ, 9 руб. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, и они живутъ на счетъ противопоставляемыхъ ими всякому дѣлу канцелярскихъ препятствій.

Для сколько нибудь опытныхъ людей вышеприведенной таблицей сказано все. Но мы позволимъ себѣ нѣсколько углубиться въ этотъ вопросъ и посмотримъ, что говоритъ дѣйствительность. На дѣлѣ видимъ слѣдующее: часть мировыхъ посредниковъ, одаренная особыми личными свойствами, паживаетъ дома и земли; большая же часть входитъ въ неоплатные долги; судебные слѣдователи или бѣдствуютъ, или въ долгахъ; мировые судьи тоже болѣею частью кругомъ въ долгу, нѣкоторые же живутъ на счетъ правосудія, хотя и съ большою осторожностью, такъ какъ эта дѣятельность не допускаетъ широкаго размаха. Долги или прямо живутъ на счетъ нарушенія закона для дѣла внутренняго управленія даютъ у насъ, впрочемъ, одинаковые результаты. Живя долго на мѣстѣ, хорошо знаешь жизнь каждаго и источники средствъ. Наилучшимъ матеріальнымъ положеніемъ пользуется полиція, ибо правительство поставило ее въ такое положеніе, что ей остается беззаботно торговать закономъ. Исправники берутъ себѣ всякими путями жалованья, смотря по уѣздамъ, отъ 6-ти до 10-ти тысячъ рублей въ годъ; становой же приставъ, смотря по мѣстности, отъ 3-хъ до 6-ти тысячъ рублей. Какими путями получаютъ эти мѣста, не беремъ судить, но практика этого дѣла въ высшихъ учрежденіяхъ, какъ то показало процессъ Буна, вѣроятно, мѣстами не остается безъ подражанія и въ низшихъ сферахъ.

Несомнѣнно, что одно такое положеніе низшихъ агентовъ правительства, какъ дѣствуетъ изъ таблицы и слѣдующаго за нею изложенія, способно было наилучше прииспособленные законы сдѣлать неэффективными. Если же сюда присоединить плохіе, неясные и запутанные законы, огромное ихъ число, среди котораго и разобраться нельзя; всевозможныя противорѣчія, вскидываемыя разьясненіями, министерскими, генераль-губернаторскими, губернаторскими циркулярами, да еще

*) Прогонь и разъѣзды въ городъ во время сѣдовъ.

такую организацию управления, при которой и дѣлать то ничего нельзя, кромѣ запятій писмоводствомъ (какъ это будетъ выяснено въ статьѣ объ организации управления), то все это вмѣстѣ взятое создаетъ такой невозможный ensemble, при которомъ энергія чиновника естественно направляется не въ сторону общественнаго дѣла, а лишь личнаго интереса, — скажемъ болѣе: всякая энергія пропадаетъ, такъ что дѣлается противной всякая работа, которая потому и ограничивается одними лишь писмоводствомъ.

Изъ сказаннаго выходитъ, слѣдовательно, что такое положеніе агентствъ правительственной администраціи, полиціи и суда необходимо подаетъ руку тому раздвоенію населенія на двѣ неравныя части: имущую и немущую, которая существуетъ у насъ, какъ и всюду; конечно, мы беремъ здѣсь слово имущество въ широкомъ его смыслѣ, а не въ смыслѣ лишь поземельной собственности, ибо большинство крестьянъ имѣетъ землю, а съ другой стороны, рѣдкій богатый еврей имѣетъ ее. И такъ, первая, небольшая часть, имущая, даетъ чиновничеству средства къ жизни на счетъ второй, да притомъ и съ значительнымъ барышомъ въ свою пользу. Отсюда и получила происхожденіе наивная поговорка крестьянъ, относящаяся къ евреямъ: «все начальство стоитъ за нихъ»; также точно говорятъ они, хотя и много рѣже, по отношенію къ намамъ. Теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: «не треба намъ спихъ чиновників; управимось сами». — И такъ, правительство, предоставивъ низшимъ агентамъ своимъ снискивать пропитаніе на счетъ приложенія закона къ гражданскимъ и уголовнымъ отношеніямъ, отдало, главнымъ образомъ, крестьянское населеніе на съѣденіе евреямъ, вмѣсто того, чтобы охранять народъ отъ него, и орудіемъ этого сдѣлало своихъ же чиновниковъ. Съ другой же стороны, оно издастъ законы противъ евреевъ, направленные къ охраненію крестьянъ отъ эксплуатаціи, зная напередъ, что законы эти не будутъ исполняемы, таковы, напр., законъ о наймѣ евреями христіанской прислуги, законы о питейной арендѣ, давній законъ, по которому евреи могутъ арендовать оброчныя статьи, въ томъ числѣ, значить, и земли, не иначе, какъ по формальнымъ контрактамъ; наконецъ, новый законъ о несовершеніи контрактовъ на наемъ земель евреями, извѣстные законы о воспрещеніи получившимъ казенныя земельныя участки на 20-ти и 35-ти лѣтнемъ правѣ и купившимъ имѣнія безъ уплаты пошлины отдавать свои земли въ управленіе или аренду евреямъ. А между тѣмъ всѣ эти законы, за исключеніемъ перваго, по теоріи должны бы имѣть огромное экономическое значеніе для крестьянъ, устранивъ отъ земельныхъ арендъ, въ настоящее время сильно поднявшихся въ цѣнѣ, единственныхъ ихъ конкурентовъ, такъ какъ ни одинъ арендаторъ изъ христіанъ не можетъ платить не только по 18 р., но и по 12 р. за десятину кругомъ, — а до такихъ цѣнъ у насъ теперь дошли аренды. Одни евреи могутъ ихъ платить, соседняя земля дѣлается съ торговлей, которая вся находится въ ихъ же рукахъ.

Обманывая такимъ образомъ народъ издавнѣмъ неисполнимыхъ и часто неисполнимыхъ законовъ, правительство сваливаетъ недостатки внутренняго управленія на недостатокъ хорошихъ людей для занятія должностей въ провинціяхъ и на взяточничество низшихъ чиновниковъ, на которыхъ порою и обрушивается въ видѣ сенаторскихъ ревизій, административныхъ и судебныхъ. Сенаторская экспедиція, отправляясь въ неизвѣданныя страны Россіи, снабжается значительными денежными суммами и персоналомъ всякихъ петербургскихъ хлыщевъ со стеклами въ глазу. Хлыщи эти являются какъ бы во внутренность Африки, обо всемъ наивно разспрашиваютъ, получаютъ анонимныя письма, записываютъ, всему удивляются. Все для нихъ является новымъ, безобразнымъ, всѣхъ чиновниковъ безъ различія третируютъ они свысока, какъ какихъ то дикихъ людей, и такъ какъ въ дѣлѣ управленія имъ извѣстенъ лишь формальный порядокъ дѣлопроизводства, то затѣмъ на него и набрасываются. Если же найдутъ слѣды, что какой нибудь чиновникъ укралъ 100 рублей, то, радуясь такому необычайному открытію, закармливаютъ комедію отдачею его подъ судъ. По отбѣздѣ этихъ господъ, все населеніе громко смѣется надъ ними, надъ ихъ невѣжествомъ и высокомеріемъ. Мы не приводимъ всѣхъ разсказовъ о похищеніяхъ нашихъ хлыщевъ-Ливингстоновъ, такъ какъ все это не ново; газеты же послѣ такой ревизіи распускаются въ выраженіи всякаго негодованія на мелкихъ чиновниковъ, восхваляя безъ всякой мѣры сенаторовъ, забывая, что это тѣ самые люди, которые составляютъ разрядъ высшаго чиновничества, — участника главнаго правительственнаго веровскаго гнѣзда. Здѣсь будетъ умѣстно сравнить оба разряда нашихъ правящихъ лицъ. Низшій разрядъ составляютъ все уѣздное чиновничество и значительная доля губернскихъ и столичныхъ департаментскихъ чиновниковъ, занимающихся составленіемъ бумагъ; всѣ другіе, только подписывающіе бумаги, составляютъ высшій разрядъ. Низшіе чиновники берутъ взятки, по многіе изъ нихъ, если имъ не отказывать въ пищѣ, одеждѣ и въ удовлетвореніи самыхъ первыхъ нуждъ (воспитаніе дѣтей не полагается), не будутъ вынуждены, какъ мы выше видѣли, къ такому способу увеличенія своихъ доходовъ. Строго говоря, едва ли кто знающій дѣло и рѣшится въ нихъ бросить камень, потому что это, къ тому же, люди, проводящіе большую часть службы на телѣгахъ, во всякую погоду, въ холодѣ и нерѣдко въ голодѣ, наживающіе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы разныя болѣзни. Нѣкоторую долю изъ нихъ составляютъ люди высшаго образованія, не пользующіеся однако никакими выгодами цивилизованной жизни, а въ западномъ краѣ еще и потому, что мѣстный образованный классъ враждебенъ всему русскому. Здѣсь они пахотаются, такъ сказать, въ постоянномъ осадномъ положеніи. Посмотримъ теперь, что такое высшее чиновничество. На главныхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ, люди эти получаютъ достаточныя оклады, пользуются ежегодными денежными наградами, пособиями, пенсіями, воспитаніемъ дѣтей на счетъ казны, чудовищными прогонными деньгами, всякими суточными, подъемными при перево-

дахъ, командировками съ ученою цѣлью, выѣзжая лишь на дачу или въ свои имѣнія и пр. и пр. И при такой, вполне обезпеченной, обстановкѣ, это именно они, которые, говоря самымъ общимъ образомъ, путемъ министерствъ — хищенія... то бншь, сообщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ, обонхъ военныхъ и многихъ другихъ учрежденій, ежегодно переводятъ значительную долю народнаго труда въ города, обездоливаютъ села, гдѣ, за немногими исключеніями, царитъ повальная бѣдность, и притомъ переводятъ, какъ мы сказали, плоды народнаго труда и государственныя имущества не только сами лично, но подѣлываясь съ цѣлыми шайками мошенниковъ, банковыхъ, желѣзно-дорожныхъ, заводскихъ и всякихъ иныхъ, которымъ чуть не столько же названій, сколько коммерческихъ дѣлъ и промысловъ. Не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, напр., продали съ торговъ, о которыхъ, мелкимъ шрифтомъ, гдѣ то въ самомъ скромномъ мѣстѣ «Правительственнаго Вѣстника» было помѣщено объявленіе, Нижегородскую дачу въ 250 тысячъ десятинъ лѣсной земли съ заводами трактирщику Ломачу, за спиною котораго была цѣлая группа высокопоставленныхъ лицъ. Срокъ для взноса денегъ Ломачемъ былъ пропущенъ, ему сдѣланы были отсрочки въ первомъ взносѣ денегъ, вопреки мнѣнію начальника отдѣленія горнаго департамента. Какъ дѣло пошло дальше — намъ неизвѣстно, но вѣрно то, что и здѣсь, какъ и вездѣ, была разыграна комедія въ пользу высокопоставленныхъ лицъ и въ ущербъ казнѣ. Не одна дача съ казенными заводами перешла различными путями и со всевозможными льготами и облегченіями черезъ руки высшихъ чиновниковъ разнымъ спекуляторамъ, и все это было дѣла миллионныя! Да и кто же этого не знаетъ?! Каждый изъ насъ, лишь случайно попадающихъ въ Петербургъ на короткое время, могъ бы указать десятки подобныхъ дѣлъ. Да вотъ, хоть бы дѣло о постройкѣ Тифлисско-Бакинско-желѣзной дороги. Проведеніе этого дѣла въ ту пору, когда комитетомъ министерствъ было поставлено приостановиться съ выдачею концессій, стоило концессионерамъ 3 милліона рублей — и этого не находили даже нужнымъ скрывать. Вотъ почему стоимость версты этой дороги, по разсчету, дошла до 70-ти тысячъ рублей — дороги идущей по ровному мѣсту, по долинѣ рѣки. Вотъ вамъ честный Посесть....

Наивною, послѣ всего вышесказаннаго, показалась намъ мысль Лорнсъ-Мелникова послать сенаторскую экспедицію въ нѣкоторыя губерніи Россіи разузнать, что тамъ въ самомъ дѣлѣ дѣлается. Кого же этою ревизіею хотѣли обмануть? Вѣдь мы то, простые люди, знаемъ не только, что дѣлается въ уѣздѣ, но и то, что продѣлывается въ столицѣ и высшими чиновниками въ губерніяхъ. Не проще ли и не дешевле ли было бы насъ спросить объ этомъ, предоставивъ намъ свободу высказаться хоть бы только въ печати? Полагаемъ, что и Лорнсъ-Мелниковъ объ этомъ кое что знаетъ: вѣдь онъ не жилъ же все время въ Китаѣ и Константинополѣ, какъ Игнатъевъ. Видно, пужно было обмануть самодержавіе, купно съ общественнымъ мнѣніемъ столицъ*), пужно было прикинуться

*) Впрочемъ, и это послѣднее, устами почти

познающими, что пропсходить въ Россіи, и свалить вину высшей бюрократіи на несчастное мелкое чиновничество. И такъ, чѣмъ же вы, господа, люди высшаго правительства, лучше низшихъ чиновниковъ, когда грабили Россію ежегодно на многіе десятки милліоновъ? Понятно, что царь съ его самодержавіемъ вамъ служить только ширмою; понятно, почему вы имъ такъ и дорожите, этимъ самодержавіемъ. Для большей образности сравненія низшей и высшей бюрократіи могли бы послужить слова В. К. Николая Константиновича, сказанныя имъ своему отцу, когда послѣдній упрекалъ его въ покражѣ образа, называя его воромъ. Сынъ отвѣтилъ, что «я только ворюшка, а ты такъ воръ».

Наши указанія на воровство въ высшихъ учрежденіяхъ могутъ показаться безъ доказательныхъ лишь людямъ, вовсе незнакомымъ съ государственной службою и съ спекуляціями, по мы не отказываемся подтвердить ихъ болѣе полными свѣдѣніями и сообщеніями множества случаевъ дѣлъ — въ родѣ затронутыхъ выше; только здѣсь мы не считаемъ это умѣстнымъ, имѣя въ виду не очень удалиться отъ главнаго предмета статьи. Мы знаемъ также много всякихъ мерзостей, какія дѣлаются высшими чиновниками и въ юго-западномъ краѣ вообще, и отдѣльно по губерніямъ, по мы откладываемъ разговоръ о нихъ до другаго случая. Теперь же скажемъ только, что не мудрено, что низшее чиновничество уѣздное, а также низшее петербургское департаментское безусловно враждебно правительству, ибо это чиновничество не можетъ не сознавать, что главные воры всѣ свои грѣхи сваливаютъ на него, да еще топчутъ его въ грязь съ наглостью и высокомеріемъ, истинно Чертковскимъ. Во время объѣзда края Чертковъ прямо обзвалъ въ глаза, при всѣхъ, исправниковъ и становыхъ ворами и мошенниками, въ то же время самъ честно настаивалъ на томъ, чтобы мировые судьи рѣшали споры его съ крестьянами въ недавно купленномъ имъ имѣніи въ его пользу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ.

I.

Предполагая дать Вамъ, на основаніи современныхъ фактовъ, возможно полное изображеніе жизни украинскаго населенія въ Галиціи, я долженъ сначала разсказать о тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ живетъ это населеніе, особенно о тѣхъ, которые не даютъ тамошнимъ украинцамъ жить по своей волѣ. Эти обстоятельства приходится назвать глупотой — политическимъ, социальнымъ и экономическимъ.

Наша пословица говоритъ: з одноју бідоју, як з рідноју сестроју. Пословица эта свидѣтельствуетъ, что сложилъ се народъ, который привыкъ разомъ терпѣть много бѣдъ. И теперь ему не легче. Со всѣхъ сторонъ его давить: правительство, «намы и жида». Въ этомъ тройномъ гнетѣ лежитъ причина почти всѣхъ бѣдъ, которые терпѣтъ нашъ народъ, — и противъ этого гнета обраща-

всѣхъ газетъ высказалось въ томъ же смыслѣ, что и почтенный авторъ статьи. (Ред.)

ются мысли народа, чѣмъ дольше, все сильнѣе, хоть еще и съ неяснымъ сознаніемъ цѣли.

Иначе и быть не можетъ. Дѣйствія притѣснителей народа должны вдвойнѣ быть невыносимы украинскому населенію въ Галиціи: во первыхъ, они, чѣмъ дальше, все больше приводятъ народъ къ матеріальному раззоренію, во вторыхъ, потому, что пропсходить отъ инноплеменниковъ: отъ поляковъ и жиждовъ. При томъ же дѣйствіи эти въ послѣднее время приняли столь ясную окраску «циганства», безцеремонной эксплуатаціи, — что мимо волн должны были открыты глаза народу и отнять у него всякую вѣру не только въ доброжелательство пановъ и чиновниковъ (такой вѣры никогда у нашего народа и не было), но также въ искренность намѣреній «цисаря» (императора), на котораго нашъ народъ до недавняго времени отчасти надѣялся, ожидая, «что онъ уменьшитъ подати и отберетъ у пановъ и возвратитъ мужикамъ лѣса и выпасы», безъ которыхъ нашему мужику нельзя жить. Последнее путешествіе императора по Галиціи (въ 1881 г.) слишкомъ даже хорошо убѣдило нашихъ людей, что надѣяться на него нечего. Самъ я, напр., видѣлъ большое неудовольствіе крестьянъ, когда при осмотрѣ Борислава, — мѣста наибольшаго у насъ коней земнаго восу, — цисаръ принималъ «жидовъ», осматривалъ ихъ фабрики и копи и, когда евреи отпеснули назадъ мужиковъ, а сами окружали и провожали императора.

«Отъ їде жидівськи тато!» — говорили со всѣхъ сторонъ мужики. Еще болѣе усилилось перасположеніе къ императору, когда на безчисленныя, поданныя въ его руки прошенія о томъ, чтобы позволилъ мужицкому скоту пастись по прежнему въ казенныхъ (камеральныхъ) лѣсахъ, не получено было никакихъ отвѣтовъ и запрещеніе осталось во всей силѣ*).

Удивительное дѣло! Глядя на дѣйствія австрійскаго правительства въ Галиціи, сразу замѣчаемъ въ нихъ какое то горячее стремленіе урвать какъ можно болѣе, раззорить народъ поскорѣе, законно или безъ закона, или даже противъ закона**). Правда, исторія нашего столѣтіяго бѣдствованія подъ рукою милостивыхъ Габсбургговъ и не менѣе милостивой ихъ бюрократіи, ясно свидѣтельствуешь,

*) Въ цѣломъ Подгорны карпатскомъ отъ Буковины до р. Сану, народъ нашъ сильно жалуется на это запрещеніе, которое, при недостаткѣ пастбищъ, вконецъ раззоряетъ народъ, не позволяя ему держать скота и въ половину столько, какъ прежде. Въ камеральныхъ лѣсахъ крестьяне могли пастись скотъ до половины 60-хъ годовъ бесплатно, — а послѣ положена была плата по 50 кр. со штуки, далѣе по 1 гульд., пока въ 1875 году министръ земледѣлія, бар. Мансфельдъ, объѣзжая Галицію, совѣтъ не запретилъ выпасу въ этихъ лѣсахъ. Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ наступила въ нашемъ Подгорны неслыханная дешевизна скота, — отъ недостатка корма. Въ 1877 и 78 гг. на мѣстныхъ ярмаркахъ продавали коня по 80—50 крейц. — и не одинъ крестьянинъ просто оставилъ свою скотину на базарѣ и уходилъ, не желая видѣть ея мукъ. Прим. автора.

Мы добавимъ, что казна захватила, при присоединеніи края въ к. XVIII в., лѣса, бывшіе не занятыми помѣщиками и громадами и лишила лѣсовъ прирастающее населеніе. (Ред.)

**) Такова же была политика русскаго правительства XVIII в. относительно доставшихся ему частей Украины и такою осталась отчасти и теперь. (Ред.)

что политика обдиранія, раззоренія и безстыдной эксплуатаціи — была всегдашнее политикою австрійскою въ Галиціи, что со времени перваго обмежеванія края въ 1772 году, когда у нашихъ громадъ отнята была и присоединена къ камеральнымъ имуществамъ добрая половина ихъ земель, до послѣдней росписи поземельнаго налога — австрійское правительство старалось, какъ можно болѣе, отобрать у нашего мужика и, какъ можно меньше давать ему даже тѣхъ кусочковъ, которые доставались другимъ народамъ. Но прежде, при самодержавномъ правительствѣ, это дѣлалось хоть просто: императоръ издавалъ законъ, — бюрократія выполняла его, и конецъ! Теперь же положеніе измѣнилось, хотя на видѣ. Конституція, парламентаризмъ, такія вещи, которыя все таки стѣсняють бюрократію, — и вотъ послѣдняя старается обходить законы, издаваемые парламентомъ образомъ, а то и явно нарушать ихъ, чтобы удовлетворить свое хищничество. Вотъ самый свѣжій тому примѣръ:

У всѣхъ, кто читалъ галицкія газеты послѣдняго времени, вѣрно, остались въ памяти жалобы корреспондентовъ на злоупотребленія сборщиковъ податей (экзекуторовъ) по селамъ. Эти сборщики иногда выжимають у крестьянъ для себя, за расходи по сбору, болѣе, чѣмъ тѣ должны были заплатить подати. Жалобы эти получили отголосокъ въ сеймѣ и даже въ имперской думѣ, и правительство обѣщало пособить дѣлу. И пособило! Осенью этого года вышло отъ министра финансовъ, Дунаевскаго, распоряженіе о новомъ способѣ экзекуціи, который по части «здиства» заткнулъ за поясъ всѣ злоупотребленія экзекуторовъ, — и установилъ минимумъ экзекуціонныхъ расходовъ: за четверть года съ недомки отъ 1 кр. до 5 гульденъ 75 крейцеровъ, т. е. для болѣе части бѣдныхъ крестьянъ отъ 100 до 500^{0/10}. Въ довершеніе это распоряженіе выдало министерство финансовъ, поручая взысканіе податей своимъ чиновникамъ и, конечно, не отменяя закона, по которому эта работа возложена на власти политическія, — и за тѣмъ, не оставляя крестьянамъ времени на обжалованіе этого сюририза, — взыскало съ нихъ подати по новому положенію. Дѣло было затроуто въ сеймѣ, — и львовская финансовая дирекція приняла нѣкоторыя мѣры къ исправленію его на будущее время, но о возвратѣ крестьянамъ перебранныхъ у нихъ денегъ ничего не слышно, — да у насъ этого и не бываетъ никогда.

Или вотъ хотя бы новый поземельный налогъ! Мало того, что оцѣнка чистаго дохода съ земель въ Галиціи была сдѣлана несправедливо и къ большой невыгодѣ крестьянъ*) и что имперская дума, не дожидаясь результатовъ массами поданныхъ жалобъ на оцѣнку, напередъ опредѣлила сумму подлежащей ко взысканію подати, чѣмъ напередъ отняла у крестьянъ надежду на облегченіе. Мало того, имперская дума, въ видахъ временнаго облегченія крестьянамъ (на дѣлѣ болѣе напамъ и понамъ), опредѣлила, что до окончанія разсмотрѣнія обжалованій, т. е. до кон-

*) См. объ этомъ прекрасную статью В. Наполеона «Подіжна крејдка» въ «Ділі» 1881 г. «Подіжна крејдка» — двойной мѣлокъ, которымъ наши жида — шинкари отмѣчаютъ кредитъ крестьянамъ.

ца 1883 года, всё плательщики, которые по новой расцѣнкѣ должны платить налогъ больший, нежели прежде, — будутъ уплачивать старую сумму налога 1880 года, а за 1881—1882 гг. они будутъ доплачивать прибавку по 10%. Тенерешний министръ финансовъ (галицкій полякъ) произвольно забросилъ это опредѣленіе и велѣлъ финансовымъ учреждениямъ разослать окладныя листы на 1881—1882 г. преспокойно по новому обложению, по которому крестьянамъ приходится платить иногда въ 2—3 раза больше, чѣмъ прежде. Правда, въ этихъ окладныхъ листахъ отмѣчено, что ихъ можно обжаловать въ 30 дневный срокъ, но такъ какъ не означено ясно, какая именно сумма приходится на прибавку (означена только общая сумма подати и прибавки, не извѣстно, по какой нормѣ вычисленныхъ), то никто не знаетъ, противъ чего онъ имѣетъ право вносить протестъ. Очевидно, что вся эта хитрая механика разсчитана на темноту и беспомощность народа, который пропуститъ срокъ для протеста, — послѣ чего съ него можно будетъ содрать, что захотѣлось правительству.

Не менѣе интересно и дѣло съ классовымъ подомовнымъ налогомъ, который платятъ селяне. Налогъ этотъ равняется 1 гул. 63 кр. на мужицкую хату, а съ прибавками 1 г. 78 кр. Теперь онъ увеличенъ и распределенъ такъ: отъ домовъ съ одной или двумя комнатами (світлицы) 1 г. 70 кр., съ тремя — 2 г. 50, съ четырьмя — 4 г. 20 кр. Такъ какъ наибольшая часть хатъ въ селахъ, входитъ, конечно, въ первую категорію, то подумали посчитать за світлицы и кладовыя (коморы), находящіяся въ хатахъ, — и такимъ образомъ большая часть хатъ перенесена изъ первой во вторую категорію. На такомъ воровствѣ поймали правительство даже наши сеймовые господа, — и правительство должно было поправиться.

Что наше правительство само первое нарушаетъ законы, имъ самимъ принятые, это показывать дѣло объ «индентизаціи» или о выкупѣ панщины. Въ этомъ дѣлѣ правительство, съ императоромъ во главѣ, играло самую гнусную двуличную роль, такъ что достаточно разъясненія этой роли, чтобы убить въ народѣ вѣру въ «царя». Покойный императоръ Фердинандъ въ 1848 г., боясь польскаго возстанія, по совѣту тогдашняго ген. губери. гр. Стадіона, подарилъ галицкимъ крестьянамъ панщину, хотя вслѣдъ за тѣмъ заявилъ, что помѣщики должны ожидать вознагражденія отъ государства. Обѣщаніе это четыре раза повторено въ манифестѣ отъ 17 апр. 1848 г. Но 7 авг. принятъ былъ въ вѣнскомъ парламентѣ законъ объ отмѣнѣ барщины во всей Австріи, и въ этотъ законъ вставлена была поправка (внесенная извѣстнымъ польскимъ демократомъ, Смолькою) о вознагражденіи помѣщиковъ за барщину изъ областныхъ средствъ, при посредствѣ государства. Со временемъ въ разныхъ провинціяхъ, — кромѣ Галиціи, къ которой законъ 7-го авг. не долженъ былъ относиться, — были учреждены областныя выкупныя фонды, которымъ оказывало помощь и государство. За тѣмъ, посредствомъ разныхъ неясныхъ и противурѣчивыхъ указовъ и крючкотворныхъ министерскихъ распоряженій, подведена была подъ общее положеніе и Гали-

ція, да еще такъ, что выкупная операція въ ней оказалась наиболее тяжелою для области вообще и для крестьянъ въ частности. На сумму $\frac{2}{3}$ стоимости панщины были выданы панамъ облигаціи, на погашеніе которыхъ должны были платить $\frac{1}{2}$ крестьяне, а $\frac{1}{2}$ областной бюджетъ; въ зачетъ же государство выдавало областной выкупной кассѣ субсидіи, которыя составили со временемъ огромную сумму. Къ погашенію же облигацій правительство приступило только съ 1858 г., отъ чего наросли не малые проценты, которые причтены были къ выкупной суммѣ, какъ капиталъ, съ котораго опять таки должны были уплачиваемы въ теченіе 40 лѣтъ проценты. Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ цифры этаго «царскаго подарка крестьянамъ панщины и податковъ» (и а н а м ѣ), о которомъ столько накружали уши нашему народу и чиновники (иѣмцы) и нонны (русины же). Въ обихѣхъ половинахъ области выкупная за панщину сумма опредѣлена была въ 79.140.225 гульд., да процентовъ по 1858 г. наросло 17.819.485 гульденовъ — и того 96.959.710 г. Въ теченіе 40 лѣтъ предстоитъ какъ погасить этотъ капиталъ въ 96 мил. гульденовъ, такъ и уплатить по немъ 128.045.189 гул. процентовъ! Понятно, на сколько интересно поскорѣе окончить погашеніе этого долга — и на сколько обременительно для народа то пререканіе между государствомъ и областью по вопросу о томъ, кто долженъ совершить это погашеніе, — пререканіе, которое тянулось у насъ столько лѣтъ и которое кончилось таки не въ пользу нашей области*). На сколько въ дѣлѣ выкупа панщины выигралъ нашъ край, сравнительно даже съ другими, въ которыхъ не было крику о подаркѣ народу царемъ панщины, можете видѣть изъ того, что въ Нижней Австріи прибавочный къ податямъ налогъ на выкупъ равенъ 25%, въ Богеміи — 31 $\frac{1}{2}$ %, а въ Галиціи 85%!! Не мудрено, что даже нашъ темный мужикъ, которому даже интеллигенція его національности не заботится разъяснить его положеніе, раскусилъ, наконецъ, сущность полученнаго имъ отъ цесаря подарка!

М—онъ.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АНТИСЕМИТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ.

(Спеціальная корреспонденція «Вольн. Слова»).

V. **)

Окончаніе).

Тезисы Штеккера и Манифестъ Иинтоци — два главные результата трудовъ конгресса, по которымъ будутъ судить о его значеніи. Но рядомъ съ ними было принято нѣсколько другихъ рѣшеній, хотя и менѣе глубокаго или общаго характера, но безъ упоминанія о которыхъ картина конгресса была бы далеко не полна. Къ таковымъ принадлежитъ предложеніе двухъ нѣмецкихъ бароновъ съ необыкновенно длинными и трудно произносимыми фамиліями, но редактированное чрезвычайно кратко и ясно, такъ что навѣрное будетъ понято народомъ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, и произвестъ на него большое

впечатлѣніе, нежели всё остальныя резолюціи конгресса.

Баронъ фонъ-Тюнгенъ-Росбахъ и баронъ фонъ-Фехенбахъ-Лауденбахъ предложили слѣдующее:

«Собраніе признаетъ въ возрастаніи численности евреевъ и ихъ вліяніи на весь нашъ государственный и народный бытъ серьезную опасность для экономическаго и нравственнаго состоянія германской націи.

Дабы устранить это вліяніе и съ необходимостію вытекающія изъ него вредныя послѣдствія, собраніе считаетъ слѣдующія мѣры постоянно необходимыми:

I. Воспрепятствовать иммиграціи евреевъ, особенно черезъ восточную границу.

II. Нынѣшняя капиталистическо-манчестерская система законовъ, особенно въ отношеніи биржи, банковыхъ и акціонерныхъ учреждений, которая покровительствуетъ ростовщичеству и спекуляціи въ ущербъ честному труду, должна быть измѣнена въ видахъ поднятія и усиленія продуктивныхъ классовъ и низведенія спекуляціи до степени безвредности.

III. Пока евреи будутъ упорствовать въ своей замкнутости и составлять какъ бы націю въ націи, они должны быть разсматриваемы, какъ иностранцы, пользующіеся гостепріимствомъ. Ихъ гражданскія права слѣдуетъ, поэтому, ограничить такимъ образомъ, чтобы они не могли участвовать въ законодательствѣ, ни достигать общественныхъ должностей, особенно же судебныхъ.

IV. Евреи должны быть освобождены отъ военной службы, взамѣнъ которой они будутъ платить поголовную подать.»

Положенія II и III содержатъ только повтореніе въ болѣе простой и сжатой формѣ рѣшеній, еще прежде вотированныхъ конгрессомъ, но I и IV были новы и встрѣтили живѣйшее сочувствіе. Мысль о поголовной подати для евреевъ напоминаетъ харачъ, установленный Кораномъ для немусульманъ. Въ защиту ея можно привести долговременный опытъ, что въ войскѣ евреи умѣютъ всегда сами освободиться отъ несенія всѣхъ тяжкихъ и вообще чисто воинскихъ обязанностей и занимаются, какъ и вездѣ, тѣмъ же гешефтами, обирая и развращая солдатъ. Положеніе же I собственно не должно было бы быть принято конгрессомъ, такъ какъ оно касается исключительно Германіи и противорѣчитъ интересамъ другихъ странъ, а, слѣдовательно, и международному характеру конгресса. Впрочемъ, это противорѣчіе только формальное: антисемиты въ Германіи ничего не имѣютъ противъ принятія, какъ Австро-Венгріей, такъ и Россіей подобной же мѣры, а имѣютъ въ виду вообще ограниченіе свободнаго передвиженія евреевъ, которое обѣщаетъ послѣднимъ перенесеніе ихъ дѣятельности въ страны, гдѣ они лично не извѣстны и потому возбуждаютъ менѣе довѣрія: идеаль антисемитовъ въ этомъ отношеніи — это русскіе, еще неотмѣненные, но уже неисполняемые законы о неотлученіи евреевъ съ постоянного мѣста жительства безъ особаго позволенія властей.

Оба автора этого предложенія не могли явиться на конгрессъ лично: въ день его открытія они присутствовали на многочисленномъ крестьянскомъ митингѣ на чистомъ

*) Подробности смотри въ статьѣ Франка «Галицка Индентизація», Дѣло, 1882, 69—71.

**) См. № 45, 46, 47, 48.

воздухъ въ Росбахъ, гдѣ было положено основаніе «Франконскаго крестьянскаго союза» (Fränkischer Bauern-Verein) для защиты и поддержанія крестьянскаго словія; Тюнгенъ-Росбахъ былъ выбранъ предсѣдателемъ. Хотя крестьянскіе ферейны перѣдко образуются подъ вліяніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ съ плохо скрытою цѣлью проложить имъ дорогу въ Ланд-или Рейхстагъ, но, какъ самое существованіе ферейновъ, такъ и возникающее отсюда отношеніе дворянъ къ крестьянамъ вовсе не проходятъ безъ пользы для послѣднихъ, и это особенно замѣтно въ еврейскомъ вопросѣ. Рѣчи, произнесенныя на конгрессѣ нѣсколькими изъ такихъ друзей крестьянъ, пролили совершенно новый свѣтъ на положеніе сельскаго населенія въ Германіи, которое до сихъ поръ было оставлено безъ вниманія, какъ всѣми либеральными партіями, такъ и особенно социалдемократами. Крестьяне же въ каждой странѣ, куда пролились свѣтъ, песомѣнно дѣлаются ихъ главными жертвами: какъ ни трудолюбивъ, трезвъ, умѣренъ нѣмецкій крестьянинъ, по онъ не можетъ долго бороться съ денежной и кредитной монополіей еврей, получившаго отъ своего кагала эту деревню на эксплуатацію и котораго поддерживаютъ всѣ евреи страны. Эти «Dorfjuden» совершенно замѣнили въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи прежнихъ феодальныхъ господъ, и отъ ихъ то господства и бѣгутъ крестьяне въ большіе города или въ Америку. Поэтому, не малое значеніе, по моему, имѣетъ мысль, высказанная на конгрессѣ, хотя, кажется, и не включенная въ резолюціи его, о содѣйствіи крестьянамъ въ представленіи правительству петиціи, о которой уже говорятъ въ деревняхъ, просящей о воспрещеніи евреямъ быть землевладѣльцами или фермерами иначе, какъ подъ условіемъ воздѣлыванія земли собственными или вообще еврейскими же руками. Нѣтъ сомнѣнія, что такая петиція покрывалась бы десятками, сотнями тысячъ подписей и ее врядъ ли правительство могло бы положить подъ сукно.

Одновременно съ этимъ предложеніемъ въ интересъ крестьянскаго сословія, было сдѣлано другое въ интересъ цѣлой націи и особенно ея интеллигенціи: это идея петиціи объ отнятіи у евреевъ «Zeitungrecht», права издавать или редактировать газеты, а также и владѣть ими. Предложеніе это вызвано тоже настоятельною потребностью: въ Германіи и Австро-Венгріи почти нѣтъ газетъ, которыя бы не принадлежали евреямъ, не были ими руководимы или не стояли отъ нихъ въ какой либо зависимости. Но здѣсь, хотя и трудно, а все таки могутъ поособить сами отъ этого непосредственно страдающіе — публика, состоящая въ огромномъ большинствѣ изъ неевреевъ и могущая, если почувствуетъ въ этомъ потребность, создать изъ себя новую прессу. Очень вѣроятно, что сама антисемитическая агитація вызоветъ и антисемитическую или, по крайней мѣрѣ, свободную отъ евреевъ печать.

Еще менѣе шансовъ немедленнаго успѣха, но еще болѣе значенія въ будущемъ можетъ имѣть мысль, выраженная прежде другихъ, кажется, Дюрингомъ и необходимостью которой выставилъ не одинъ ораторъ на конгрессѣ, воздерживаясь однако отъ обличенія

ея въ форму предложенія, — мысль о медиатизаціи еврейскихъ «финансовыхъ владѣній» (Geldfürstenthümer), т. е. поступленіи подъ надзоръ или въ распоряженіе государства самыхъ крупныхъ еврейскихъ банковъ и другихъ капиталистическихъ учрежденій. Аргументовъ въ пользу этой мѣры бездна, да достаточно и одного, что накопленіе денегъ одного лица или семейства сосредоточиваетъ въ однихъ рукахъ могущество опасное для самостоятельности цѣлыхъ странъ или народовъ; но осуществленіе этой идеи относительно однихъ евреевъ многимъ покажется несправедливою, такъ какъ большинство банкировъ неевреевъ уже достаточно обевреенились, чтобы быть причисленными къ колену Израилеву. Впрочемъ, это одно изъ desiderata приверженцевъ социальной реформы вообще, къ какому бы направленію они ни принадлежали, которое можетъ быть осуществлено только въ связи съ преобразованиемъ цѣлаго капиталистическаго строя.

Антисемиты — интранзигенты громко и ясно объявляютъ, что еврейскій вопросъ — прежде всего вопросъ расы или крови и можетъ быть рѣшенъ только полнымъ выдѣленіемъ всего еврейскаго элемента изъ христіанскихъ или аріійскихъ государствъ. Антисемиты — оппортунисты настаиваютъ на необходимости постепеннаго вытѣсненія еврейства изъ всѣхъ позицій, завоеванныхъ имъ между христіанскими народами и дающихъ ему надъ ними преобладаніе; возстаая противъ неосторожности, съ которою первые высказывали конечныя цѣли движенія, оппортунисты довольно ясно давали понять, что и они желаютъ того же полного вытѣсненія и только изъ благоразумія настаиваютъ прежде всего на ближайшихъ и легче осуществимыхъ требованіяхъ.

Но оппортунисты — антисемиты въ то же время консерваторы вообще въ политикѣ и пѣтисты въ религіи. Они поэтому, желая въ душѣ вытѣсненія или даже уничтоженія евреевъ, какъ исполнителей Моисеева закона, готовы, однако, даровать имъ полную равноправность, какъ только они сдѣлаются христіанами. Интранзигенты, напротивъ, почти всѣ радикалы или социалпеты, не только не ожидаютъ отъ обращенія евреевъ въ христіанство перемѣны ихъ характера или дѣятельности, но даже всего болѣе опасаются именно этого обращенія, которое, по ихъ мнѣнію, только усилитъ нравственное вліяніе евреевъ, откроетъ ему доступъ во внутреннюю жизнь аріійскихъ народовъ и почти семитизируетъ ихъ. Къ тому же, если консервативные антисемиты видятъ во вліяніи Тамуды главный источникъ бѣдствій самихъ евреевъ, какъ и антагонизма ихъ съ другими народами, то радикальные антисемиты усматриваютъ истинную причину историческихъ судебъ еврейства въ Ветхомъ Заветѣ, особенно же въ Моисеевомъ Пятикнижьи, утвердившемъ въ евреяхъ вѣру въ избранность ихъ народа для господства надъ всѣми другими. Первый и самый радикальный теоретикъ антисемитизма, Дюрингъ, желаетъ поэтому очищенія религіи, какъ и жизни, аріійскихъ народовъ отъ всякаго семитическаго вліянія. Этому стремленію обязано движеніе своимъ именемъ: оно антисемитское, а не антиеврейское, потому что направлено не

противъ одной религіи, а и противъ расы. Семиты могутъ быть на своемъ мѣстѣ въ другихъ частяхъ свѣта, — въ Европѣ, посреди аріійцевъ, они чужіе и должны быть изгнаны, какъ должны быть удалены изъ страдающаго организма въѣвшіеся въ него паразиты.

Это мнѣніе философа-учсана внесено въ область политики особенно талантливымъ рѣчамъ Генрици въ формѣ требованія объ объявленіи евреевъ въ цѣлой Европѣ иностранцами, не могущими быть гражданами государствъ, которыя они обитакуютъ, потому что они уже принадлежатъ особому, хотя и не территориальному, государству и повинуются особому правительству «Alliance Israélite Universelle»; къ нимъ, поэтому, какъ ко всякому чужому политическому организму, не можетъ быть примѣняемо внутреннее государственное право, а только внѣшнее.

Еще далѣе идетъ Иштоци. Онъ видитъ въ присутствіи евреевъ въ христіанской Европѣ нашествіе варваровъ, которое, подобно татарскому и турецкому прошлыхъ вѣговъ, угрожаетъ существованію европейскіхъ народовъ и противъ котораго борьба общими силами есть обязанность правительствъ и народовъ Европы.

Еврейство, соединенное подъ управленіемъ Всемирнаго Израильскаго Союза, не есть первая международная организація, въ которой народы и правительства видѣли опасность для ихъ спокойствія или самостоятельности. Таковыми были іезуиты — Черный Интернаціоналъ, съ которымъ нѣны правительства ведутъ борьбу и изгоняютъ его членовъ, тогда какъ другіе борются съ Краснымъ Интернаціоналомъ — Соціально-революціонной партіей. Гораздо болѣе могущественъ и опасенъ Золотой Интернаціоналъ — еврейское племя.

Противъ этого интернаціонала, отъ воли котораго зависитъ нѣкоторымъ образомъ миръ и война между европейскими государствами и который уже, какъ говоритъ Манифестъ Иштоци, низвелъ нѣкоторыя правительства до роли своихъ агентствъ собиранія податей съ христіанскихъ народовъ для Ротшильда и другихъ еврейскихъ династій, — борьба возможна только при искреннемъ и тѣсномъ союзѣ всѣхъ заинтересованныхъ народовъ. Глубокое убѣжденіе въ недостаточности силъ одного, особенно небольшого народа для освобожденія отъ захватившихъ всѣ средства страны членовъ всемірнаго еврейскаго союза и возбудило пламеннаго венгерскаго патріота стремиться придать антисемитическому движенію международный характеръ. Иштоци, опасавшійся для Венгріи судьбы Польши, въ разложеніи и гибели которой главными виновниками были дѣйствительно (? Ред.) евреи, воззвалъ къ солидарности всѣхъ христіанскихъ аріійскихъ или арианизированныхъ народовъ. Выраженіе «христіанскіе» понимается здѣсь менѣе въ смыслѣ религіозномъ, нежели въ смыслѣ историческомъ и культурномъ; не смотря на общее происхожденіе, христіанство возникло и развилось какъ реакція противъ еврейства, да и нынѣ прешествуетъ полному господству послѣдняго, которое потому и старается подорвать его. Вотъ почему въ антисемитическомъ движеніи даже люди самыхъ независимыхъ отъ религіи убѣжденій становятся подъ знамя христіанства и стре-

маться къ образованію Всемірнаго Христіанскаго Союза для преодоленія Всемірнаго Союза Израильскаго.

Подобно тому, какъ послѣдній считаетъ себя солидарнымъ со всѣми частями еврейскаго племени, всегда и повсюду принимая на себя роль защитника евреевъ, находящихся въ столкновении съ христіанами, такъ и конгрессъ, это первое проявленіе задуманнаго обще-христіанскаго единенія, принимаетъ къ сердцу интересы каждаго христіанско-арійскаго народа, страдающаго отъ еврейской эксплуатаціи. Хотя члены конгресса, исключая, можетъ быть, Иштоци, имѣли довольно темное понятіе о происходившемъ въ Россіи, но они поняли по аналогіи, что народъ одной съ ними расы — арійской и одной религіи и культуры — христіанской долженъ былъ много страдать отъ присутствія на его землѣ большинства всего еврейскаго племени и что эти страданія, доведенныя до крайней степени: необходимо должны были вызвать народную реакцію. Антисемиты средней Европы, въ противорѣчій съ почти всею печатью и общественнымъ мнѣніемъ своихъ странъ, вѣрятъ, что еврейскіе безпорядки произошли не отъ злокачественности или варварской жестокости русскаго народа и не отъ возбужденія ихъ русскою администраціей, какъ это твердитъ панургово стадо со словъ еврейскихъ журналистовъ и ораторовъ, а отъ дѣйствій самихъ евреевъ. Поэтому, соболѣзнованіе о страданіяхъ «русскихъ братьевъ», сочувствіе попыткамъ огражденія ихъ отъ эксплуатаціи и сожалѣніе о недостаточности и непрочности этихъ попытокъ были постоянными темами въ частныхъ бесѣдахъ членовъ конгресса и проглядывали во всѣхъ ихъ публичныхъ рѣчахъ. Для того, кто жилъ по сю сторону русской границы, особенно въ послѣднее время, выраженіе этихъ чувствъ само по себѣ составляетъ предметъ удивленія, которое увеличивается еще тѣмъ, что огромное большинство членовъ конгресса принадлежало къ народу, уже давно систематически натравливаемому на Россію — къ германцамъ; остальные же — австро-вѣмцы и мадьяры — при помощи евреевъ господствовавшіе надъ славянами и воспитанные въ потомственной ненависти въ Россіи. Можно сказать, что ни въ средней, ни въ западной Европѣ, не нашлось бы никакого собранія, отъ дипломатическаго до народнаго, которое бы почувствовало потребность или возмѣло смѣлость рѣшиться на заявленія сочувствія Россіи; а что это сдѣлали германскіе, австро-вѣмецкіе и мадьярскіе патриоты и націоналисты — показываетъ столько же ихъ силу убѣжденія, какъ и самостоятельность характера, какъ и ихъ нравственное мужество. Первый антисемитическій конгрессъ дѣйствительно чувствовалъ себя международнымъ и оказался вполне на высотѣ своего призванія. Послѣднюю его резолюцію, послѣднимъ актомъ передъ его закрытіемъ, было порученіе Постоянному Комитету Конгресса выразить «полное согласіе и сочувствіе» всѣмъ русскимъ дѣятелямъ, которые защищаютъ христіанское населеніе отъ эксплуатаціи евреями, и доставить это заявленіе не только генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ (какъ это было сообщено газетами въ Россіи), но и въ особенности всѣмъ земствамъ губерній, населенныхъ

евреями или гдѣ они пытаются поселиться. Резолюція была бы навѣрное выражена еще въ болѣе теплыхъ словахъ, если бы редактированіе ее не было поручено одному изъ русскіхъ членовъ конгресса, который считъ пужнымъ выбрать такой текстъ, который бы, встрѣтивъ (какъ это и произошло) единодушное одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ, не подвергалъ ихъ слишкомъ большимъ нареканіямъ со стороны ихъ соотечественниковъ-неантисемитовъ и не служилъ бы поводомъ къ упреку конгресса въ сочувствіи какимъ-нибудь одностороннимъ русскимъ стремленіямъ, несогласнымъ съ патристическимъ долгомъ нерусскіхъ членовъ.

Конгрессъ разошелся, поручивъ дальнѣйшее руководство антисемитическаго движенія и приготовленіе къ собранію втораго конгресса въ мартѣ 1883 г. уполномоченному имъ Постоянному Комитету, имѣющему мѣсто-пробываніе въ Дрезденѣ. Органомъ конгресса и цѣлаго движенія избрана дрезденская газета «Deutsche Reform», главнымъ же агентомъ Постояннаго Комитета объявленъ г. Шмейцперт, издатель «Международнаго Мѣсячнаго Изданія» (Internationale Monatsschrift) въ Хемницѣ (въ Саксоніи). Постоянный Комитетъ обязалъ напечатать всѣ резолюціи конгресса и разослать ихъ всѣмъ свроейскимъ правительствамъ, парламентамъ и главнымъ органамъ печати. Въ числѣ резолюцій находится и «Манифестъ» Иштоци, напечатаніе котораго въ милліонахъ экземпляровъ принялъ на свой счетъ берлинскій книгопродавецъ, г. Шульце.

Ш—тъ.

НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

(Продолженіе)

Капиталъ увеличиваетъ способность труда создавать богатства, доставляя усовершенствованныя орудія производства, позволяя пользоваться воспроизводительными силами природы (напр., накопленіе зерна для посѣва) и выгодами раздѣленія труда. Этимъ и ограничиваются его истинныя функціи въ производствѣ. Капиталъ не доставляетъ тѣхъ первичныхъ матеріаловъ, которые потомъ претворяются трудомъ въ богатство. Матеріалы эти даются природой и становятся капиталомъ лишь тогда, когда они попадаютъ въ круговоротъ обмѣна въ переработанномъ отчасти уже видѣ (сырые продукты). Капиталъ не содержитъ рабочихъ во время производства: рабочіе сами содержатъ себя своимъ трудомъ. Такъ какъ производство возможно и безъ капитала, а предѣлъ промышленности опредѣляется только доступомъ къ силамъ и веществамъ природы, то капиталъ не можетъ ограничивать промышленности: онъ ограничиваетъ лишь форму и производительность промышленности, ограничивая пользованіе выгодами раздѣленія труда и усовершенствованными способами производства. Если каждый рабочій дѣйствительно создаетъ своимъ трудомъ тотъ фондъ, изъ котораго берется его заработная плата, то послѣдняя не можетъ уменьшаться отъ увеличенія числа рабочихъ; наоборотъ, такъ какъ съ увеличеніемъ числа рабочихъ производство должно усиливаться, то чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше — при прочихъ

равныхъ условіяхъ — должна бы быть и заработная плата.

Оговорка «при прочихъ равныхъ условіяхъ» естественнымъ образомъ ведетъ къ разсмотрѣнію вопроса о соотношеніи между производительными силами природы и ростомъ населенія и, слѣдовательно, къ разсмотрѣнію извѣстной теоріи Мальтуса. Критикѣ этой теоріи Г. Джорджъ посвящаетъ нѣсколько главъ, въ которыхъ не мало оригинальныхъ мыслей, удачныхъ примѣровъ и остроумныхъ сопоставленій. Но какъ ни интересны эти главы, мы считаемъ нужнымъ ихъ не опустить. Мы вправѣ предположить у читателя знакомство съ доводами противниковъ Мальтуса, такъ какъ отрицаніе мальтузіанства, составляющее одинъ изъ основныхъ догматовъ всѣхъ социалистическихъ школъ, имѣло и у насъ своего блестящаго представителя въ лицѣ Чернышевскаго. Скажемъ только, что, резюмируя свою критику, Г. Дж. приходитъ къ выводу, совершенно противорѣчащему Мальтусу. Нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ такой страны, гдѣ бы бѣдность порождалась чрезмернымъ ростомъ населенія. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ замѣчается одновременное существованіе бѣдности и значительной густоты населенія, бѣдность всегда зависитъ отъ ненормальныхъ условій экономической или политической жизни, — напр., отъ системы лэндлордства (какъ это мы видимъ въ Ирландіи) или отъ деспотизма и хищеній правительства, а не отъ быстрого размноженія человѣческихъ существъ. Вообще наблюденіе показываетъ, что общественное богатство увеличивается вмѣстѣ съ населеніемъ: малонаселенныя страны всегда самыя бѣдныя; самыя богатыя страны тѣ, гдѣ густое населеніе ведетъ къ широкому развитію матеріальнаго прогресса.

Отъ критики Мальтуса Г. Дж. переходитъ къ изслѣдованію законовъ распредѣленія богатствъ. Послѣдуемъ и мы за нимъ, но сначала условимся опять въ значеніи техническихъ терминовъ, употребляемыхъ авторомъ въ этомъ отдѣлѣ своего труда.

Подъ понятіе «производство» Г. Дж. подводитъ не только тѣ дѣйствія, которыми создаются разныя матеріальныя предметы, но и торговлю, увеличивающую стоимость предметовъ посредствомъ ихъ транспортировки и обмѣна. Созданіе богатствъ происходитъ какъ въ мануфактурныхъ, такъ и въ чисто коммерческихъ обществѣхъ *). Въ обоихъ рода обществахъ часть общаго продукта идетъ капиталу, другая — труду, третья — землевладѣльцу (если земля въ данной мѣстности имѣетъ мѣстовую стоимость). Еще часть богатства идетъ на возсозданіе капитала, который постоянно потребляется и возобновляется въ производствѣ. Но эту послѣднюю часть можно оставить безъ вниманія, разсматривая капиталъ какъ величину постоянную, — не безпрерывно измѣляющуюся рядомъ потребленій и возстановленій, но находящуюся въ покоѣ. По этому, говоря о распредѣленіи продуктовъ, Г. Дж. говоритъ о распредѣленіи только той части богатства, которая производится сверхъ того, что необходимо для

*) Ниже мы еще вернемся къ этому вопросу и приведемъ конкретный примѣръ, которымъ Г. Дж. доказываетъ продуктивность обмѣна, т. е. торговли.

возстановления потребленного в производствѣ капитала, а подѣ процентами онѣ раздѣляются только ту часть продукта, которую получаетъ капиталъ послѣ своего возстановленія — часть, составляющую вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, за употребленіе его въ промышленности или торговлѣ *). Г. Дж. оставляетъ пока безъ вниманія части продукта, взимаемыя государствомъ въ видѣ податей, поглощаемыя разными видами монополя и пр.

Земля, трудъ и капиталъ — таковы три фактора производства. Подѣ земель нужно понимать всѣ силы и естественныя ресурсы природы. Подѣ выраженіе трудъ подводится всякій видъ мышечной или умственной работы, всякая продуктивная человѣческая дѣятельность. Къ капиталу относится всякое богатство, употребленное для созданія еще большаго богатства. Эти три выраженія взаимно исключаютъ другъ друга.

Между тремя факторами производства распределяется весь продуктъ его. Часть, поступающая землевладельцу въ уплату за пользованіе силами природы, называется рентой. Часть, идущая на вознагражденіе труда, есть заработная плата. Часть, получаемая капиталистомъ въ уплату за пользованіе его капиталомъ, составляетъ проценты на этотъ капиталъ. Доходъ человѣка можетъ идти или изъ одного, или изъ двухъ, или же изъ всѣхъ трехъ перечисленныхъ источниковъ.

При изслѣдованіи законовъ распределенія богатствъ, экономисты обыкновенно исходятъ изъ совершенно ложной точки зрѣнія. Живя и дѣлая свои наблюденія въ обществѣ, гдѣ капиталистъ доставляетъ заработокъ рабочимъ и вслѣдствіе этого кажется главнымъ и первоначальнымъ двигателемъ производства, представители экономической науки стали смотрѣть на капиталъ, какъ на главный факторъ производства, на землю и трудъ — только какъ на орудіе производства. У нихъ всюду исходной точкой служитъ капиталъ, и капиталистъ является центральной фигурой. Но если мы взглянемъ въ естественный ходъ вещей, въ генезисъ производства, то мы замѣтимъ иной порядокъ. Мы увидимъ, что капиталъ является тутъ не первымъ, а послѣднимъ, — что не онъ даетъ занятіе труду, а, наоборотъ, трудъ даетъ ему занятіе. Должна быть земля для того, чтобы возможно было приложеніе труда, а для созданія капитала предварительнаго необходимъ трудъ. Капиталъ есть результатъ труда и примѣняется трудомъ для усиленія дальнѣйшаго производства. Трудъ есть активный и первичный элементъ производства. По этому естественный ходъ производства есть земля, трудъ и капиталъ, и анализъ распределенія богатствъ нужно начинать не съ капитала, а съ земли. Нужно также помнить, что капиталъ не есть необходимый факторъ производства: трудъ въ приложеніи къ землѣ можетъ создавать богатства и безъ помощи капитала. Слѣдова-

тельно, законъ ренты и законъ заработной платы должны строго согласоваться другъ съ другомъ и составлять вмѣстѣ одно стройное цѣлое безъ всякаго отношенія къ условіямъ, опредѣляющимъ размѣръ процентовъ на капиталъ — иначе законы эти были бы непримѣнимы къ тѣмъ случаямъ (встрѣчающимся въ извѣстной мѣрѣ и въ наше время), гдѣ капиталъ не принимаетъ участія въ производствѣ. Далѣе, такъ какъ капиталъ ничто иное, какъ накопленный, кристаллизованный трудъ, то законъ процентовъ долженъ подчиниться закону заработной платы и составлять съ нимъ совершенно независимое цѣлое въ тѣхъ случаяхъ, когда весь продуктъ дѣлится между капиталомъ и трудомъ — безъ всякаго вычета въ пользу ренты.

Изъ понятія ренты Г. Дж. исключаетъ вознагражденіе за употребленіе какихъ бы то ни было продуктовъ человѣческаго труда — здашій, фермъ, разныхъ улучшеній по хозяйству — вознагражденіе, относящееся къ категоріи процентовъ на капиталъ; онъ называетъ рентой только плату за пользованіе землей, ея самородными силами и ресурсами. Въ экономическомъ смыслѣ рента существуетъ и тамъ, гдѣ собственникъ и воздѣлыватель земли одно и то же лицо. Доходъ, получаемый землевладельцемъ съ земли, отдаваемой имъ въ аренду другому лицу, и есть именно рента, между тѣмъ какъ вознагражденіе за трудъ и капиталъ землевладельца соответствуетъ тому доходу, который онъ получилъ бы съ своей земли, еслибы не былъ собственникомъ ея, но бралъ бы ее въ аренду. Рента заключается также въ мѣнсовой стоимости земли. Если я куплю себѣ землю за денежную цѣну и сохранию ее до тѣхъ поръ, пока (вслѣдствіе увеличенія стоимости земли) смогу продать ее за дорогую цѣну, то я, конечно, очень обогащусь, но обогащеніе здѣсь произойдетъ не на счетъ моей заработной платы или процентовъ на мой капиталъ, а только благодаря увеличенію ренты. Размѣръ ренты не зависитъ отъ качества земли. Самая лучшая земля въ необитаемой странѣ ничего не стоитъ, не приноситъ ренты; самая плохая земля въ большомъ промышленномъ центрѣ имѣетъ высокую мѣнсовую стоимость и доставляетъ своему владельцу большую ренту. Словомъ, рента есть цѣна монополия земли, результатъ захвата въ частную собственность силъ природы, которыми человѣкъ не въ состояніи ни создать, ни увеличить своимъ трудомъ.

Еслибы одинъ человѣкъ владѣлъ всей землей, на которой живетъ цѣлое общество, то онъ могъ бы требовать какое ему угодно вознагражденіе за пользованіе этой землей, и всѣмъ членамъ даннаго общества оставалось бы покориться условіямъ лэндлорда или выбирать между голодной смертью и эмиграціей. Нѣчто въ родѣ этого мы видимъ въ Ирландіи. Вообще же земля хотя и составляетъ большую часть предмета индивидуальной собственности, но распределяется обыкновенно между такимъ большимъ числомъ владельцевъ, которое неизбежнымъ образомъ порождаетъ между ними антагонизмъ интересовъ, такъ что рыночная цѣна земли и общія норма ренты устанавливаются конкуренціей по слѣдующему закону, найденному Рикардо: рента опредѣляется избыткомъ до-

хода съ данной земли надъ доходомъ, который одинаковое примѣненіе труда и капитала могутъ принести на наименѣе продуктивной изъ всѣхъ обрабатываемыхъ въ той же мѣстности земель.

Законъ Рикардо прилѣпляется также къ землѣ, служащей для промышленныхъ цѣлей, и къ пользованію всѣми силами природы — къ рудникамъ, копамъ, рыбнымъ ловлямъ, фабрикамъ, магазинамъ и пр. Владѣніе всякимъ природнымъ агентомъ производства даетъ власть присвоивать изъ продукта, созданнаго капиталомъ и трудомъ при помощи этого агента, часть, соответствующую избытку дохода съ даннаго предпріятія надъ доходомъ, доставляемымъ одинаковымъ примѣненіемъ труда и капитала, въ наименѣе продуктивномъ изъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій. Важное значеніе этого закона легко понять, если принять въ соображеніе, что нѣтъ почти той отрасли производства, въ которой трудъ и капиталъ могли бы обойтись безъ пользованія землей и природными силами, тѣмъ или другимъ путемъ захваченными въ частную собственность.

Законъ ренты есть только выводъ изъ общихъ законовъ конкуренціи. Онъ сводится къ слѣдующему положенію: такъ какъ заработная плата и норма процентовъ на капиталъ стремятся къ одному общему уровню, то вся часть богатства, которая соответствуетъ избытку надъ тѣмъ, что могли бы дать трудъ и капиталъ, примѣняемые къ наиболѣе бѣднымъ природнымъ условіямъ производства — поступаетъ въ распоряженіе землевладельца въ формѣ ренты.

Изъ сказаннаго ясно, что, гдѣ продуктъ производства распределяется только между рентой и заработной платой, тамъ закономъ ренты опредѣляется и законъ заработной платы; гдѣ распределеніе происходитъ между рентой, заработной платой и процентами на капиталъ, тамъ закономъ ренты опредѣляются законы и заработной платы, и процентовъ — и наоборотъ. Такимъ образомъ, заработная плата и норма процентовъ на капиталъ устанавливаются не въ силу продуктивности труда и капитала, но опредѣляются той частью богатства, которая остается послѣ вычета ренты изъ общаго продукта.

Разъ найдено это простое соотношеніе, яркій свѣтъ проливается на вопросы, казавшіеся до тѣхъ поръ темными, и факты, на первый взглядъ противурѣчивые, группируются теперь въ стройное цѣлое общаго закона. Возрожденіе ренты въ странахъ матеріальнаго прогресса есть ключъ къ рѣшенію вопроса, почему заработная плата и проценты на капиталъ не увеличиваются вообще съ увеличеніемъ производительной силы. Дѣло въ томъ, что богатство, постоянно создаваемое въ такихъ прогрессивныхъ обществахъ, дѣлится на двѣ части тѣмъ, что Г. Джорджъ называетъ линіей ренты. Изъ суммы продуктовъ, находящейся ниже этой линіи, должны быть выплачены проценты на капиталъ и заработная плата. Все, что выше линіи, идетъ землевладельцамъ. Гдѣ земля стоитъ дешево, тамъ производство незначительно, а заработная плата и проценты на капиталъ велики. Гдѣ мѣнсовая стоимость земли велика, тамъ создается много богатствъ, но заработная плата и проценты на капиталъ

*) Нѣкоторые экономисты часто употребляютъ выраженіе «проценты» какъ синонимъ прибыли, барыша, подводя подѣ него доходы, относящіеся собственно или къ рентѣ, или къ заработной платѣ (напр., вознагражденіе за управленіе промышленнымъ предпріятіемъ), или къ вознагражденію за рискъ (напр., большіе барыши контрабандистовъ зависятъ не отъ процентовъ на капиталъ, а отъ вознагражденія за рискъ).

незначительны. Увеличение производительной силы влияет на заработную плату и проценты не само по себе, а лишь по столько, по сколько при этом изменяется рента. Если цена земли возрастает пропорционально увеличению производительной силы, то весь избыток богатства поглотится рентой, заработная же плата и проценты останутся без изменения. Если цена земли возрастет быстрее производительной силы, то рента поглотит больше полученного избытка богатства и, хотя продуктивность труда и капитала будут теперь значительно прежнего, но заработная плата и проценты от этого только повысятся. Лишь в том случае, когда цена земли растет медленнее производительной силы, возможно одновременное возрастание заработной платы, процентов на капитал и производительной силы.

Покончив с рентой, Г. Джордж обращается к рассмотрению вопроса, почему капитал приносит вообще проценты. Объяснения, данные до сих пор экономистами по этому пункту, он считает несостоятельными.

Говорят, будто бы проценты служат вознаграждением за воздержание. Но воздержание — качество чисто пассивное; это не деятельность, а бездеятельность, сама по себе не производящая ничего. Если у меня есть сумма денег, которую я продержал под замком в течение цѣлаго года, то я проявил ровно столько же воздержания, сколько, напр., требуется, чтобы дать в рост ту же сумму на тот же годичный срок, и однако в последнем случае я получу проценты, а в первом у меня окажутся все те же деньги без малѣйшей прибавки. Утверждают еще, будто, давая в займы, я оказываю услугу должнику, за которую он и вознаграждает меня процентами. Но ведь и должник оказывает мне услугу тем, что сохраняет в цѣлости мое имущество. Услуга эта для некоторых видов капитала, которые нужно постоянно восстанавливать, которые портятся при неупотреблении их и требуют больших издержек для своего сохранения, — так велика, что многие капиталисты скорѣй согласились бы платить за нее, чѣм лишиться ее. Наконец, некоторые экономисты (в том числе Бастия) объясняют существование процентов «свойством усовершенствованных орудий производства увеличивать продуктивность труда». Объяснение это тоже не выдерживает критики; оно было бы справедливо, если бы способ приготовления и употребления инструментов и машин составлял всегда секрет изобретателя или родъ монополии, но в таком случае мы имѣли бы дѣло не с процентами на капитал, а с доходами, доставляемыми монополией. Когда Иванъ даст в займы Петру свой рубанокъ, то самое существование, что при этом получает Петръ вовсе не способность применять свой трудъ болѣе продуктивнымъ способомъ, но возможность пользоваться конкретнымъ результатомъ известнаго числа рабочихъ дней, которые Петръ долженъ бы былъ употребить на изготовление рубанка, если бы Иванъ не далъ ему замѣстительно этого инструмента. Если бы «свойство усовершенствованных орудий произ-

водства увеличивать продуктивность труда» было причиной процентов, то норма процентов на капиталъ должна бы постоянно увеличиваться по мѣрѣ хода технических изобретений, чего на самомъ дѣлѣ мы не видимъ. Если бы все богатство людей состояло только изъ предметовъ міра неорганическаго и все производство сводилось бы къ измененіямъ формы инертнаго неорганическаго вещества, то проценты на капиталъ были бы просто грабежомъ; но дѣло въ томъ, что богатство заключается въ себѣ также и разные предметы животнаго и растительнаго царства. Я могу хранить деньги в шкапу сколько угодно времени, но стоимость ихъ отъ этого не увеличится. Если же у меня есть запасъ вина, то къ концу года стоимость его возрастетъ, ибо за это время вино улучшится въ качествѣ. Или, если я занимаюсь скотоводствомъ, то, по истеченіи известнаго времени, мой капиталъ увеличится вслѣдствіе размноженія животныхъ. То, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ увеличиваетъ стоимость моего имущества (вслѣдствіе улучшения его качества или увеличенія его количества), есть нѣчто, хотя и требующее при обыкновенныхъ условіяхъ приложения человеческого труда, но все же нѣчто отличное, отдѣльное отъ труда — именно принципъ роста и воспроизведенія, характеризующій всѣ формы того таинственнаго процесса, который мы называемъ жизнью. Въ немъ Г. Джордж и усматриваетъ причину процентов, т. е. увеличения капитала сверхъ того, что должно идти на вознаграждение труда.

Способность предметовъ обмѣниваться другъ на друга, очевидно, предполагаетъ экономическое распредѣленіе между ними специальныхъ выгодъ, физически присущихъ только нѣкоторымъ изъ нихъ — иначе правильная торговля была бы невозможна и никто не сталъ бы сохранять капиталъ въ такой формѣ, которую можно замѣнить формой болѣе выгодной. По этому, всюду, гдѣ существуетъ обмѣнъ, выгоды принципа роста и воспроизведенія, присущія физически лишь нѣкоторымъ видамъ капитала, должны распространяться экономически на всѣ другіе предметы, составляющіе богатство.

Торговля, обмѣнъ тоже обуславливаютъ возрастание цѣнностей, нѣсколько похожее на то, которое совершается подъ вліяніемъ жизненныхъ силъ природы. Предположимъ двѣ различныя мѣстности. Въ одной свойства почвы таковы, что известное количество труда можетъ дать тамъ 200 единицъ растительной или же 100 единицъ животной пищи. Въ другой мѣстности отношеніе это обратное: въ ней тоже количество труда даетъ или 100 единицъ растительной или 200 единицъ животной пищи. Если бы въ обоихъ мѣстностяхъ половина труда шла на добываніе растительной и половина на добываніе животной пищи, то каждая мѣстность производила бы по 150 единицъ животно-растительной пищи. Но если въ первой мѣстности трудъ начать применять исключительно для добыванія растительной, а во второй — для добыванія одной животной пищи и между этими мѣстностями будетъ проходить обмѣнъ известнаго количества одного рода пищи, на соотвѣтственное количество другаго рода пищи, то теперь населеніе каждой мѣстности

будетъ располагать уже не 150, а 200 единицами животно-растительной пищи.

И такъ, анализируя производство, мы нашли, что въ немъ можно различать три разновидности:

Переработку естественныхъ продуктовъ, выражающуюся въ измененіи ихъ формы или мѣста, съ цѣлью приравнять ихъ къ удовлетворенію человеческихъ потребностей;

Ростъ и размноженіе или утилизацию жизненныхъ силъ природы, напр., при воздѣлываніи растений и въ скотоводствѣ;

Обмѣнъ, доставляющій общей суммѣ богатствъ выгоды отдаленныхъ силъ природы.

Всюду капиталъ помогаетъ труду, увеличивая его продуктивность, но значеніе капитала не вездѣ одинаково.

Въ первой разновидности производства капиталъ можетъ помогать труду, но не есть абсолютно необходимое условіе послѣдняго. Трудъ тутъ главный факторъ производства. Когда трудъ прекращается — прекращается и производство; время, въ продолженіе котораго ремесленникъ или фабрика не работаютъ, совершенно пропадаетъ для производства. Процентъ на капиталъ тутъ получается только отъ употребленія капитала.

Во второй разновидности капиталъ долженъ помогать труду, т. е. рѣшительно необходимо ему. Здѣсь время составляетъ самостоятельный элементъ производства: рождѣтся и зрѣетъ независимо отъ того, работаетъ-ли, или спитъ земледѣлецъ. Здѣсь процентъ получается не отъ употребленія капитала, а отъ его роста и размноженія.

Въ третьей разновидности капиталъ тоже необходимъ, время здѣсь тоже самостоятельный элементъ производства, а процентъ зависитъ отъ увеличенія стоимости предметовъ подъ вліяніемъ обмѣна.

Такъ какъ проценты на капиталъ обуславливаются жизненной силой природы, то они должны считаться вполнѣ законнымъ и естественнымъ явленіемъ, а не результатомъ плохой формы социальной организаціи. Не правы, стало быть, тѣ, которые требуютъ уничтоженія процентовъ и утверждаютъ, будто между капиталомъ и трудомъ существуетъ непримиримый конфликтъ. Между капиталомъ, понимаемымъ въ смыслѣ Генри Джорджа, и трудомъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого конфликта. Громадныя состоянія разныхъ Ротшильдовъ и Вандербиловъ создаются не изъ законныхъ процентовъ, не изъ нормальнаго, такъ сказать, капитала, но силою концентрированныхъ капиталовъ, дѣйствующихъ при ненормальныхъ условіяхъ экономической организаціи; они создаются изъ капитализованной ренты, при помощи монополии и путемъ спекуляціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШЕСТОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕССЪ РАБОЧИХЪ ВО ФРАНЦИИ.

Злополучный конгрессъ рабочихъ въ Saint-Étienne'ѣ, столь богатый разными приключеніями и недоразумѣніями, далъ поводъ французской прессѣ, враждебно относящейся къ рабочему движенію, прійти въ великій восторгъ.

Пророчаніямъ и пророчествамъ не было конца.

«Провѣдь социализма во Франціи должна замолкнуть, вѣща эта пресса на своихъ столбцахъ, конгрессы социалистовъ не имѣютъ болѣе *raison d'être*». И все она приписывала тому, что между социалистическими вожаками пропозелъ великій разладъ, якобы изъ за преобладанія и главенства въ рабочей партіи. Люди, сочувствующие рабочему движенію, но не вполне знакомые съ его ходомъ и развитіемъ, нашли, что весь сыр-боръ загорѣлся на Saint-Etienne'скомъ конгрессѣ просто на просто изъ за личностей между вожаками. На самомъ же дѣлѣ личныя отношенія вожаковъ въ данномъ случаѣ, не играли никакой роли. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ парламентскихъ выборовъ обозначилось въ кругу французскихъ социалистовъ два направленія: одно централистическое, а другое—коммуналистическое. Представителемъ первого сталъ Гедъ, а второго Бруссъ.

Бруссъ стоитъ за самостоятельность муниципалитетовъ, видитъ въ ней благодарную почву для приложения на практикѣ социалистическихъ формъ общегітти. Онъ считаетъ преобразование муниципальных службъ и производства въ области муниципій, коммуны на коллективныхъ началахъ — первымъ шагомъ при проведеніи коллективизма на практикѣ въ своемъ отечествѣ.

Гедъ же утверждаетъ, что самостоятельность коммуны есть регрессивный шагъ, который поведетъ къ анархіи и къ неминуемой гибельной конкуренціи между коммунами, что единственный прогрессивный ходъ — это экспроприация собственности въ пользу государства, которое, учредивъ центральное статистическое бюро, одно можетъ знать всѣ потребности и нужды страны, а потому оно одно, слушая центральное статистическое бюро, должно предписывать коммунамъ заниматься тѣмъ то, а не чѣмъ либо другимъ, сѣять такое то количество пшеницы, а не ржи. При такихъ только условіяхъ государство будетъ процвѣтать, а граждане, подъ флагомъ (не центральной какой нибудь власти, боже избави!) центрального статистического бюро, будутъ наслаждаться и вкушать прелести беззаботной жизни... Слѣдовательно дѣло заключается не въ личной враждѣ вожаковъ, а въ принципиальномъ расхожденіи. Дружно идти по одной дорогѣ при такихъ условіяхъ — дѣло невозможное. Буржуазная пресса, зорко слѣдила за органами социалистовъ, все это прекрасно знала.

Но какое же событіе на конгрессѣ могло привести ее въ столь неописанный восторгъ?

Раздѣленіе конгресса — вотъ что именно позволило ей пуститься въ разныя пророчества.

Безспорно, что поведение двухъ враждующихъ лагерей на конгрессѣ, по нашему мнѣнію, было крайне не тактично. На конгрессѣ, представляющемъ сѣздъ делегатовъ всего рабочаго сословія, представителей самыхъ разнородныхъ мнѣній, учений и отъѣнковъ, вмѣсто общаго объѣма мыслей, фракціи начинаютъ изгонять другъ друга за несходство взглядовъ и убѣжденій... Поводомъ для ostracism берется не принципиальное расхожденіе, которое могло бы уяснить публикѣ, въ чемъ заключается дѣло, и такимъ образомъ дало бы ей возможность критически отнестись къ двумъ несходнымъ направленіямъ, —

нѣтъ! все дѣло строится на дисциплинарномъ вопросѣ рабочей партіи.

Национальный рабочій комитетъ, засѣдающій въ Парижѣ, роль котораго заключается въ приведеніи въ исполненіе постановленій рабочихъ федераций, обязанъ на ежегодныхъ конгрессахъ отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И что жъ мы видимъ? — Членъ комитета, Дено, сторонникъ Брусса, въ прочитанномъ имъ отчетѣ ни слова не упомянулъ о дѣйствіяхъ комитета, а всѣ страницы отчета наполнены жалобами, что Гедъ и его сподвижники не подчинялись постановленіямъ комитета и были по отношенію къ нему «dans une révolte permanente». Гедъ-де такого то числа написалъ противъ коммуналистовъ то-то и то-то, а Массаръ и Лафаргъ пѣчто еще худшее; отчего-де въ продолженіе цѣлаго года дисциплина партіи нарушалась филиппиками Геда, направленными противъ коммуналистовъ и главныхъ представителей ихъ.

А посему является предложеніе: изгнать Геда, Лафарга, Массара, Базена и Девиля не только изъ конгресса, но и изъ рабочей партіи.

Изгнаніе вотируется большинствомъ голосовъ. Съ шумомъ и трескомъ моментально отправляются централисты, въ числѣ 22 делегатовъ, въ Роаннъ, бѣгаютъ 4 дня по городу, отыскивая залу, наконецъ, на пятый день находятъ таковую, въ всего на всего для двухъ сеансовъ. Открываютъ, наконецъ, свои засѣданія и, въ свою очередь, начинаютъ изгонять (уже *par contumace*) изъ рабочей партіи Брусса, Малона и всѣхъ представителей коммуналистическаго движенія. Рѣшаютъ, что настоящую рабочую партію составляютъ именно они, ибо имъ суждено спасать ее отъ буржуазныхъ ловушекъ: спасли они ее на Гаврскомъ конгрессѣ отъ Барбере, правительственнаго агента, а теперь спасаютъ ее отъ бруссовскаго *поссибилизма* (*). Тутъ же писались манифесты въ такомъ родѣ для украшенія стѣнъ города Роанна.

Трудно понять тѣ соображенія, которыми руководствовались бруссисты при изгнаніи централистовъ на St-Etienne'скомъ конгрессѣ. Мы не видимъ во всемъ этомъ ни малѣйшаго практическаго смысла. Оградить ли они себя этой мѣрой отъ нападокъ централистовъ? — Нисколько. Могли ли они помѣшать выработкѣ постановленій конгресса и приведенію ихъ на практикѣ, какъ фракція другаго направленія, идущая на практикѣ другой дорогой? Въ такомъ случаѣ, отъ чего же той мѣры они не употребили противъ анархистовъ? Эти послѣдніе открыли бы въ третьемъ городѣ конгрессъ и издали бы манифестъ, гласящій, что они молъ составляютъ эссенцію и свѣтъ народной партіи....

Разъ бруссисты составляли на конгрессѣ значительное большинство, то имъ не могли помѣшать въ ихъ постановленіяхъ ни централисты, ни анархисты, составляющіе незначительное меньшинство.

Мы думаемъ, что завзятая борьба двухъ

*) Эпигетъ, которымъ наградила Гедъ Брусса и его послѣдователей. Бруссъ на одномъ изъ собраний высказалъ, что нужно принимать во вниманіе «существующія условія жизни» и добиваться нѣтъ того, что возможно (*ce qui est possible*). Для Геда это мнѣніе показалось крайне нелѣпымъ, ибо для него «существующихъ условій» — не существуетъ.

лагерей, продолжавшаяся въ продолженіе цѣлаго послѣдняго года, къ несчастію, имѣла послѣдствіемъ то, что люди дѣйствовали въ данномъ случаѣ скорѣе подъ вліяніемъ аффекта, чѣмъ политическаго такта, что и привело на людей, интересующихся рабочимъ движеніемъ, тяжелое впечатлѣніе.

Это была первая ошибка большинства.

Далѣе послѣдовала вторая, болѣе существенная. Назадъ тому еще годъ Бруссъ и его послѣдователи нашли, что считать социалистами только тѣхъ, которые исповѣдуютъ революціонный коллективизмъ, а со всѣми остальными не имѣть никакого дѣла, есть вещь крайне узкая, сектантская, поэтому они рѣшили, отбросивъ эксклузивизмъ, заявить печатно, что они будутъ принимать во вниманіе всѣя мнѣнія и убѣжденія, ведущія къ улучшенію положенія рабочаго класса; въ рабочую партію должны войти, такимъ образомъ, всѣ рабочія корпораціи.

Оказалось, что сдѣлать печатно подобное заявленіе гораздо легче, чѣмъ провести его на практикѣ, въ особенностн съ людьми, которые долѣе парижскихъ собраний ничего не видали, для которыхъ провинціи съ ихъ горемычными рабочими до сихъ поръ не существовали. Печатное заявленіе о томъ, что въ такой то шахтѣ убито 400 душъ, служило имъ, правда, хорошей темой для произнесенія на собраніи въ Парижѣ «un discours violent», но и не болѣе. Съ такими подвижниками, признаться, далеко не зайдешь, что и доказалъ Saint-Etienne'скій конгрессъ. Городъ Saint-Etienne окруженъ каменно-угольными копями и фабриками желѣзнаго производства. Всѣ рабочіе, примкнувшіе къ синдикату, по своей многочисленности, разбиты на секціи, что составляетъ 30 секцій углекоповъ и 30 кузнецовъ. Несомнѣнно, что число членовъ каждой секціи превышаетъ число членовъ какого нибудь парижскаго *cercle d'études sociales*. Для такъ называемыхъ *поссибилистовъ* предстояла хорошая жатва; нужно сказать, что они сами вполне рассчитывали на полный успѣхъ. Но расчеты, къ несчастію, оказались невѣрными.

24 сентября было первое публичное засѣданіе конгресса, на которомъ присутствовали углекопы, но не въ качествѣ официальныхъ делегатовъ своей корпораціи. Лабюкьеръ произнесъ рѣчь о будущемъ общественномъ строѣ и заключилъ ее тѣмъ, что, если нельзя будетъ желаннаго строя добиться мирнымъ путемъ, то, въ такомъ случаѣ, придется прибѣгнуть къ матеріальной силѣ. Гражданинъ Дено въ абстрактной формѣ трактовалъ о собственности и, въ концѣ, высказалъ желаніе, чтобы социальная революція произошла путемъ убѣжденія, если буржуазія не поставитъ для этого преградъ, — въ противномъ случаѣ, придется прибѣгнуть къ силѣ.

Жофренъ выбралъ для своей рѣчи болѣе легкую тему. Онъ говорилъ о..... египетскомъ вопросѣ! И всѣ эти сдержанныя рѣчи были направлены къ тому, чтобы «сиропатизировать» присутствующихъ углекоповъ. Анархистъ Бордъ, въ силу привилегіи, принадлежащей исключительно теперешнимъ французскимъ анархистамъ, высказывать, не стѣнялся ни мѣстомъ, ни временемъ, всѣмъ возвратившимся въ умъ соображенія и желанія,

заявил на трибунѣ, что анархистамъ не нужно ни парламента, ни дисциплины, ни рабочихъ конгрессовъ, что имъ вообще ничего не нужно, за исключеніемъ une «révolution violente et immédiate». Этимъ заявленіемъ Бордъ еще болѣе отгѣнилъ умѣренность предыдущихъ ораторовъ. Кловисъ-Гюгъ, марсельскій депутатъ, заключилъ свою рѣчь словами, что онъ не станетъ проповѣдывать революціи, ибо не желаетъ брать на себя столь тяжелую отвѣтственность. Вслѣдъ за симъ обратились непосредственно къ рудокопамъ, желая знать ихъ мнѣнія и желанія.

Рудокопы отвѣчали, что будущій строй, положимъ, не дуренъ, что всю тяготу современнаго распредѣленія собственности они испытываютъ на своихъ спинахъ, но, чтобы достигнуть будущаго блага, нужно обратить вниманіе на существующее положеніе рабочаго класса и добиваться практическихъ мѣръ для немедленнаго его улучшенія. Для рудокоповъ необходимо: во первыхъ, сократить число рабочихъ часовъ, т. е. вмѣсто 10 и 11 часоваго рабочаго дня, имъ нужно добиться восьми часоваго труда. Во 2-хъ, чтобы между углекопами была учреждена центральная касса, которая бы выдавала пособия больнымъ, дѣтямъ и вдовамъ убитыхъ на работѣ въ шахтахъ и, наконецъ, рабочимъ, хотя не проработавшимъ въ шахтахъ 25 лѣтъ, но которые благодаря работѣ, получили болѣзнь, не позволяющую имъ болѣе продолжать зарабатывать себя кусокъ хлѣба. По мнѣнію рудокоповъ, государство должно удѣлить сумму для образованія предназначеннаго для этой цѣли фонда. Въ 3-хъ, чтобы рабочіе могли выбирать изъ своей среды надзирателей и инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы тщательное наблюденіе за устройствомъ шахтъ для уменьшенія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ. «Всѣ эти вопросы у насъ стоятъ на очереди; осуществленіе ихъ чрезвычайно для насъ важно. Вы же трактуете о вопросахъ болѣе отдаленныхъ».

Услышавъ такіа рѣчи, делегаты пристали къ углекопамъ, чтобы они приступили, для достиженія своихъ цѣлей, немедленно къ стачкѣ. Углекопы возразили, что стачка не своевременна, прибавивъ, что прійдетъ время, когда они, можетъ быть, и будутъ вынуждены къ этой мѣрѣ. Въ настоящее же время, они думаютъ сначала прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Они думаютъ пригласить своихъ депутатовъ и изложить имъ свои требованія съ тѣмъ, чтобы послѣдніе подняли о нихъ вопросъ въ палатѣ депутатовъ.

Делегаты конгресса пустились съ углекопами въ споръ, сопровождавшійся довольно неприличными выходками, и, въ пылу горячности, одинъ делегатъ, Алеманъ, заявилъ, что делегаты прійдутъ къ рудокопамъ въ шахты для того, чтобы поднять стачку. На что углекопы отвѣтили лаконически: «попробуйте только!» Вслѣдъ за этимъ углекопы и другіе представители синдикатовъ St-Etienne'a удалились съ тѣмъ, чтобы болѣе и не возвращаться *).

*) Упомянемъ мимоходомъ, что углекопы, пригласивъ чередъ педѣлю депутатовъ своего округа, въ своихъ рѣчахъ заявили, помимо всѣхъ вышеупомянутыхъ требованій, еще и слѣдующее: чтобы государство отдало угольныя копи корпорациямъ рудокоповъ, на что инженеръ

Члены большинства конгресса, не внимавъ ни общимъ, ни частнымъ требованіямъ углекоповъ, разсориившись съ ними и изгнавъ централлистовъ, начали заниматься постановленіями.

На первомъ планѣ было выставлено завоеваніе муниципалитетовъ. Всѣ остальные постановленія касаются исключительно организаціи партій и опредѣленія обязанностей національнаго комитета, между которыми параграфъ пятый гласитъ, что на обязанности комитета лежитъ вести строгую статистику моральнаго и матеріальнаго положенія рабочихъ корпорацій, въ особенности рабочей задыльной платы и положенія учениковъ, для того, чтобы имѣть возможность на другой день социальнаго революціи улучшить какъ то, такъ и другое.

Жаль, что упрямые углекопы не знали заранее объ этомъ параграфѣ! Быть можетъ, они сдѣлались бы тогда податливѣе и отказались бы отъ своихъ центральныхъ касъ и отъ всего прочаго. Что касается до постановленія Роанскаго конгресса, то централлисты, за неимѣніемъ времени, ограничились писаніемъ вышеупомянутыхъ манифестовъ.

И такъ, мы оказались почти одновременно въ присутствіи трехъ національных конгрессовъ: конгрессъ, такъ называемыхъ, барберистовъ, централлистовъ и коммуналистовъ. Каждый изъ нихъ считаетъ себя настоящимъ и единственнымъ представителемъ рабочей партіи. Мы же думаемъ, что во Франціи въ данное время нѣтъ пока рабочей партіи, т. е. партіи, представляющей извѣстную политическую силу. Есть только зачатки ея. Настоящая рабочая партія образуется во Франціи только тогда, когда тамонніе социаллисты на самомъ дѣлѣ пріймутъ во вниманіе существующія условія и ходъ дѣла въ странѣ и выработаютъ требованія, общія всему рабочему классу Франціи, что, разумеется, и сдѣлаютъ съ теченіемъ времени скорѣе всего социаллисты коммуналисты *).

компаніи заявилъ, что никто не мѣшаетъ рабочимъ сдѣлаться даже въ настоящее время участниками компаніи, купивъ акціи. «А деньги! а деньги!» — раздалось въ залѣ со всѣхъ сторонъ. Инженеръ отвѣчалъ, что остается хлопотать о пониженіи цѣны акціи съ 500 на 50 фр.

*) Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ нашего корреспондента, мы прибавимъ, что для достиженія цѣли образованія дѣловой рабочей партіи во Франціи необходимо бы было, между прочимъ, измѣнить совершенно характеръ конгрессовъ, называющихъ себя національными и рабочими, и возвратиться скорѣе къ точкѣ, на которой стояли первые такіе конгрессы (Парижскій 1877 и Лионскій 1878 г.), чѣмъ продолжать идти въ томъ направленіи, какое приняли эти конгрессы съ марсельскаго въ 1879 г. Первые два конгресса имѣли цѣлью собрать свѣдѣнія о положеніи и мнѣніяхъ всѣхъ рабочихъ Франціи, для чего и конгрессы назывались просто «рабочими конгрессами». На 3-мъ организаторамъ удалось провести большинствомъ резолюцію коллективистическаго характера, — съ тѣхъ поръ конгрессы получили имя «социалистическихъ рабочихъ конгрессовъ». Послѣ 4-го конгресса прибавилось еще новое прилагательное — «революціонный». Но точчасъ же оказалось, что каждая фракція изъ участниковъ въ 3-мъ—5-мъ конгрессахъ понимаетъ это прилагательное по своему и отнимаетъ честь носить этотъ титулъ у несогласныхъ съ нею, при чемъ, въ пылу кружковаго спора, измѣняетъ свои опредѣленія (такъ случилось, напр., съ группой Гедэ, отъ имени которой недавно высказаны были въ «Le Citoyen» мнѣнія, произведенныя въ 47 №-рѣ «Вольнаго Слова», подъ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Le Révolté

Объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ.

Въ 17 №-рѣ Le Révolté закончена статья «о правительствѣ во время революціи». Въ статьѣ этой, въ которой, какъ во всѣхъ писаніяхъ новѣйшихъ анархистовъ, у которыхъ смѣшались здравыя идеи прудоновскаго анархизма (собственно федерализма) съ привычками мысли запоздалаго якобинства, превратившагося въ бланкистское вѣспышкунство, — справедливыя вещи смѣшиваются съ странностями, находимъ соображенія, которыя мы считаемъ интересными и для русскихъ читателей:

«Воображать, что правительство можетъ быть ниспровергнуто тайнымъ обществомъ, — говоритъ названная газета, — и что это общество можетъ стать на его мѣсто, это заблужденіе, въ которое впадали всѣ революціонныя организаціи, зародившіяся въ средѣ республиканской буржуазіи съ 1820 г. Но факты въ изобиліи обнаруживаютъ очевидность этого заблужденія. Какую преданность дѣлу, какое самоотверженіе, какую настойчивость показали тайныя республиканскія общества Молодой Италиі, — и однакожь весь этотъ громадный трудъ, всѣ эти жертвы, принесенныя молодежью итальянскою *), передъ которою блѣднѣютъ даже жертвы революціонной молодежи русской, всѣ эти трупы, наваленныя въ австрійскихъ казематахъ и подъ ножемъ и подъ пулями палача, — все это (плоды всего этого), было унаслѣдовано лукавцами буржуазіи и королевствомъ. **)

«Тоже самое и въ Россіи. Рѣдко можно найти въ исторіи тайное общество, которое съ столь малыми средствами достигло результатовъ столь огромныхъ, какъ достигнутые русской молодежью.

«Трудно найти другую организацію, которая бы показала столько энергіи и столько могучей дѣятельности, какъ «Исполнительный Комитетъ». Онъ потрясъ этотъ колоссъ, который казался неуязвимымъ, — царизмъ; онъ сдѣлалъ самодержавное правительство отишнѣ невозможнымъ въ Россіи. И однакожь очень наивны были бы тѣ, которые бы во-

которыми вполне могли бы подписаться и «поспѣбисты»). На послѣднихъ рабочихъ конгрессахъ главной заботой организаторовъ стало не изслѣдованіе положенія и мнѣній массы рабочихъ, не привлеченіе къ движенію возможно большаго числа послѣднихъ, — а проведеніе во чтобы ни стало извѣстныхъ формулъ и титуловъ, приданіе имъ оффіціальнаго значенія. Отсюда заботы объ искусствѣннѣмъ большинствѣ, объ исключеніи конкурентовъ и т. п. На такой дорогѣ не создаются, а распадаются партіи, затеваются смыслъ ихъ, и передовые люди ихъ превращаются постепенно въ генеральные штабы безъ армій, а потомъ даже и въ генераловъ безъ штабовъ. Желательно, чтобы примѣръ французовъ послужилъ предостереженіемъ для дѣятелей народовъ болѣе отсталыхъ. (Ред.)

*) Замѣтимъ, впрочемъ, что «Молодая Италія» вовсе не все равно, что «революціонная молодежь»; послѣднее понятіе есть вещь спеціально русская.

**) Собственно въ данномъ случаѣ только и можетъ быть рѣчь, что о королевствѣ (конституціонномъ, впрочемъ, на которое согласились и такіе «Молодые Итальянцы», какъ Гарибальди), — а не о буржуазіи, противъ которой тѣмъ болѣе не имѣли ничего и самыя «Молодые Итальянцы», что самъ Le Révolté нѣсколько стрѣкъ выше называлъ ихъ «республиканской буржуазіей». «Молодая Италія» и социализмъ — явленія совсѣмъ разныхъ историческихъ періодовъ.

образили, что этот Исполнительный Комитет сдѣлается господиномъ правленія въ тотъ день, когда корону Александра III будутъ волочить въ грязи. Другіе, — мудрые, которые работаютъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя имя, въ то время, когда революціонеры роютъ мины и гибнутъ въ Сибири, другіе, — интриганы, говоруны, адвокаты, литераторы*), которые проливаютъ время отъ времени скоро отираемыя слезы на могилахъ героев и поздравляютъ, какъ друзья народа, — вотъ что займетъ мѣсто вакантнаго правительства и закричитъ: «Назадъ!» тѣмъ «неизвѣстнымъ», которые готовятъ революцію.

«Это неизбежно, это фатально — и не можетъ быть иначе. Ибо вовсе не тайны общества, ни даже революціонныя организаціи наносятъ послѣдніе удары правительствамъ. Ихъ функція, ихъ историческая миссія — приготовленіе умовъ къ революціи. А когда умы приготовлены, — при помощи вишнихъ условий, — происходитъ послѣдній толчокъ — вовсе не отъ группы инициаторовъ, а отъ массы, которая осталась вѣдъ развѣтлений (тайнаго) общества. 31 августа (1870 г.) Парижъ остался нѣмъ (глухъ) къ призыву Бланки. Четыре дня позже онъ провозглашаетъ изложеніе правительства; но тогда вовсе не бланкисты были инициаторами движенія. Народъ, миллионы низвергаютъ съ трона Декабрьскаго человѣка и провозглашаютъ правителями фарсѣровъ, которыхъ племя называли нмъ въ ухахъ въ теченіе двухъ лѣтъ (больше!).

«Когда революція готова вспыхнуть, когда движеніе чувствуется въ воздухѣ, когда успѣхъ уже сталъ вѣрнымъ, тогда тысячи новыхъ элементовъ, на которыхъ тайная организація не имѣла никогда прямого вліянія, присоединяются къ движенію, какъ хищныя птицы, падающія на поле битвы, чтобы раздѣлить остатки жертвъ. Они то (эти элементы) помогаютъ произвести послѣдній толчокъ, но они берутъ себя начальниковъ не въ рядахъ искреннихъ и непримиримыхъ заговорщиковъ, а среди балансеровъ, — если только они вдохновлены мыслию, что начальники необходимы».

«Заговорщики, которые поддерживаютъ предразсудокъ диктатуры, — работаютъ безсознательно для облегченія прыжка ко власти собственныхъ ихъ враговъ».

Мысли въ такомъ родѣ не составляютъ новости для читателей «Вольнаго Слова», въ которомъ не разъ было говорено не только подобное, но даже указывалось, что центристическо-диктаторскія стремленія революціонеровъ въ Россіи подрываютъ самую силу революціоннаго движенія, и даже, въ случаѣ дѣйствительнаго революціоннаго взрыва, готовятъ условия даже не для господства «балансеровъ» (какъ во Франціи), а просто для восстановленія самодержавія (какъ это случилось въ Австріи послѣ 1848 г.) или же диктатуры какого нибудь «блага генерала». При извѣстномъ нашемъ читателямъ скептическомъ отношеніи нашемъ ко всякимъ авторитетамъ и мечтаніямъ, консервативнымъ, какъ и революціоннымъ, наипрѣмѣе въ такомъ родѣ не представляютъ по крайпей мѣрѣ ничего неожиданнаго. Но со стороны «Révolté» напечатаніе выше приведенныхъ строкъ

нельзя не считать проявленіемъ гражданской смѣлости, не совѣтъмъ обычной.

Не менѣе выписанныхъ любознательны и дальнѣйшія соображенія женевской газеты, хотя они не имѣютъ уже столь близкаго отношенія къ российскимъ дѣламъ.

«Но, если то, что мы сейчасъ сказали, говоритъ Le Révolté, — вѣрно относительно революціи или скорѣе бунтовъ (émeutes) политическихъ, — то оно еще болѣе вѣрно по отношенію къ Революціи Соціальной. Дозволяетъ установиться какому либо сильному и внушающему повиновеніе правительству — это значитъ затормозить съизначала ходъ революціи. Добро, которое это правительство можетъ сдѣлать, ничтожно, а зло — огромное.

«Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ дѣло, что разумѣемъ мы подъ (этой) Революціей? — Это не простая смѣна правителей. Это принятіе народомъ во владѣніе всего общественнаго богатства и обращеніе въ общее пользованіе этого богатства. Это отнятія всѣхъ властей, которые не переставали препятствовать развитію человѣчества. Но развѣ этотъ огромный переворотъ (révolution) экономическій можетъ быть совершенъ приказаніями, исходящими отъ правительства?» Здѣсь газета напоминаетъ историческіе примѣры неисполненія такихъ приказовъ, которые стояли выше уровня идей массы, — но къ сожалѣнію первый же примѣръ цитируетъ не точно, — говоря, будто «революціонный диктаторъ польскій, Костюшко, предписалъ уничтоженіе крѣпостнаго права» *).

«Но если, продолжаетъ Le Révolté, — правительство, даже еслибъ оно было идеаломъ революціоннаго правительства, — не создаетъ новой силы и не представляетъ никакаго удобства для дѣла разрушенія, которое мы должны выполнить, — то мы еще менѣе можемъ разсчитывать въ дѣлѣ реорганизаціи, которая должна слѣдовать за разрушеніемъ. Экономическая перемѣна, которая вытечетъ изъ Соціальной Революціи будетъ столь огромна и глубока и должна такъ измѣнить всѣ отношенія, основанныя теперь на собственности и объѣмѣ, — что не возможно ни одному, ни нѣсколькимъ личностямъ выработать общественныя формы, которыя должны родиться въ новомъ обществѣ. Эта работа новыхъ общественныхъ формъ не можетъ быть иначе совершена, какъ коллективнымъ трудомъ массъ. Чтобы удовлетворить громадному разнообразію условий и новыхъ нуждъ, которыя рождаются въ тотъ день (?!), когда личная собственность будетъ разрушена, нужно безконечное разнообразіе коллективнаго

*) Славянскимъ сотрудникамъ женевской газеты не трудно было бы справиться хоть бы съ книгой Костюмарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», чтобы узнать, что никогда Костюшко подобнаго декрета не издавалъ. Но мы нарочно остановились на этой неточности, такъ какъ она даетъ намъ случай замѣтить, какъ небрежно относится учитель рабочихъ классовъ къ своей работѣ. Слосшь и рядомъ видишь, что даже одинъ и тотъ же авторъ, когда пишетъ для «буржуазнаго» изданія, то считаетъ долгомъ заботиться и о формѣ, и о точности фактовъ, — а для «революціонной» прессы, для рабочихъ, — считается позволительнымъ руководствоваться приѣмомъ повара Ноздрена: «катай, валяй, — было бы горячо, а вкусъ какой нибудь вѣрно выйдетъ!» Не оттого ли, между прочимъ, даже социалисты-революціонеры, и рабочіе не могутъ прожить безъ «буржуазной прессы», а своей и самъ не читаютъ? О «буржуазной» публикѣ и говорить нечего...

ума страны. Всякая вишняя власть будетъ только препятствіемъ, помѣхою органическому труду, который долженъ быть совершенъ, и, по стольку же, источникомъ раздоровъ и ненависти».

Въ сущности всею вышеприведенною тирадою Le Révolté доказываетъ, что самое понятіе Соціальной Революціи не имѣетъ смысла, если понимать слово революція въ обычномъ значеніи: гражданской войны. Но тѣмъ не менѣе газета заканчиваетъ заявленіемъ въ пользу такой революціи, въ то же время восклицая: «довольно правительствъ, дайте мѣсто народу, анархія!» Какимъ образомъ культъ революціи, да еще съ вѣрою въ совершеніе ея въ одинъ «день», можетъ ужиться съ идеей о социализмѣ и анархизмѣ, — понять такъ же трудно, какъ и то, какимъ образомъ дѣло разрушенія существующаго экономическаго строя можетъ быть отдѣляемо отъ организаціи новаго. Революція, какъ вооруженное возстаніе извѣстнаго меньшинства (большинству нечего возставать), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ и тамъ имѣетъ полный смыслъ, ибо извѣстнаго меньшинства бываетъ достаточно для испроверженія даннаго вишняго государственнаго строя и установленія другаго, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое либо меньшинство въ такомъ дѣлѣ, какъ установленіе общаго пользованія имуществомъ, требующее добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія? Тутъ и не очень крупное большинство не достаточно. Далѣе, какимъ образомъ война можетъ быть производима безъ власти, какимъ образомъ она можетъ обойтись безъ того, чтобы не породить власти, даже если бы первоначально это и не имѣлось въ виду? Анархисты, не отдѣлавшіеся отъ привычекъ государственности, придумали, правда, для примиренія рѣжущихъ глаза противурѣчій, раздѣлить актъ соціальной революціи на два момента: въ одинъ день — разрушеніе, на другой день — реорганизація; нервалъ будто произведется самопроизвольнымъ народнымъ возстаніемъ, хотя бы и хаотическимъ и за тѣмъ изъ хаоса народъ самопроизвольно же устанавливаетъ новый порядокъ. Но хаосъ можетъ повести только къ хаосу же, который оканчивается диктатурою перваго взявшаго палку. Для того же, чтобы люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, а особенно такимъ сложнымъ, какъ націонализація или даже интернационализація собственности, надо, чтобы они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, каковой вырабатывается, или, лучше сказать, вырастаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установленія новыхъ порядковъ. Этого роста и составленія общественной эволюціи, вѣко торой военныя дѣйствія, какъ изрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбежны, но въ которой они составляютъ только часть и при томъ далеко не самую существенную.

М. Драгомановъ.

*) А Le Révolté не литература?!